

МАГИЯ ШИШЮВ

МАРГАРЕТ РОДЖЕРСОН

Магия ворона (АСТ)

Маргарет Роджерсон

Магия шипов

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-3 (73)
ББК 84(7Сое) 44

Роджерсон М.

Магия шипов / М. Роджерсон — «Издательство АСТ»,
2019 — (Магия ворона (АСТ))

ISBN 978-5-17-116070-8

Все чародеи злые – Элизабет знала это практически с рождения. Воспитанная в одной из Великих библиотек Аустермера, она выросла среди колдовских орудий – магических гримуаров, которые шепчутся на полках и гремят железными цепями. Если их спровоцировать, они превращаются в малефиктов из кожи и чернил. Но когда миру грозит опасность, Элизабет некуда обратиться, кроме заклятого врага – чародея Натаниэля Торна. Теперь они втянуты в многовековой заговор, а сама Элизабет начинает сомневаться во всем, чему ее учили, – ведь она обладает силой, о которой никогда не догадывалась, и будущим, которое никогда не могла себе представить.

УДК 821.111-3 (73)
ББК 84(7Сое) 44

ISBN 978-5-17-116070-8

© Роджерсон М., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	22
Глава пятая	28
Глава шестая	32
Глава седьмая	37
Глава восьмая	44
Глава девятая	51
Глава десятая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Маргарет Роджерсон

Магия шипов

Посвящается всем девушкам, которые обрели себя в книгах

Margaret Rogerson
SORCERY OF THORNS

Публикуется с разрешения автора и литературных агентств KT Literary, LLC и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Copyright © by Margaret Rogerson, 2019
© А. Ляхова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава первая

Смерть пришла в Великую библиотеку, как только ночь опустилась на Саммерсхолл. Точнее говоря, она въехала на личном экипаже. Элизабет стояла во внутреннем дворе и наблюдала за громыхающей повозкой, запряженной лошадьми. Животные топтались на месте с бешено выпученными глазами, роняя с губ клочья пены. Где-то высоко последние лучи заката сверкнули в окнах башни Великой библиотеки, словно огнем охватив изнутри все ее комнаты. И все же свет вынужден был поспешно отступить, сжимаясь и отбрасывая длинные тени от фигур ангелов и горгулий, что охраняли залитые дождем парапеты здания.

Позолоченная эмблема блеснула на кузове повозки в тот момент, когда та с грохотом остановилась. Она представляла собой перекрещенные ключ и перо – символ Духовенства. Железные решетки в задней части повозки превращали ее в настоящую тюремную клетку. Несмотря на то что ночь была прохладной, Элизабет почувствовала, как ладони вспотели.

– Скривнер! – окликнула ее женщина, стоявшая рядом. – Соль и перчатки при тебе?

Элизабет похлопала по кожаным ремням, крест-накрест опоясывающим ее грудь, потом ощупала мешочки, которые были на них подвешены, и жестяную коробку с солью, свисающую у бедра.

– Да, Наставница.

Ей не хватало только меча. Заслужить такую честь она могла, став хранителем, спустя многие годы обучения в Духовенстве. Лишь несколько библиотекарей смогли зайти так далеко – остальные либо опускали руки и сдавались, либо погибали.

– Прекрасно. – Наставница помедлила. Это была элегантная женщина с бледным, как снег, лицом, рыжими, словно пламя, волосами и холодным, отчужденным взглядом. Шрам пересекал все ее лицо от левого виска до самого подбородка, сморщивая щеку и навек оттягивая вбок уголок рта. Подобно Элизабет, ее грудь перекрещивали кожаные ремни, однако вместо рясы ученицы под ними было одеяние хранителя. Искусственный свет сверкал на латунных пуговицах темно-синего пальто и отсвечивал от начищенных до блеска башмаков. Меч, перехваченный ремнем, узкий, остро заточенный и инкрустированный камнями гранатово-красного цвета, висел на поясе.

Этот меч был легендой Саммерсхолла. Его называли «Демоноубийцей», и сама Наставница использовала его в битве против малефикта, когда ей было всего девятнадцать лет. Именно тогда она и получила страшный шрам, который, по слухам, вызывал у нее невыносимые мучения каждый раз, стоило ей заговорить. Элизабет сомневалась в достоверности этой болтовни, однако факт оставался фактом – Наставница тщательно подбирала слова и вообще никогда не улыбалась.

– Запомни, – после длительной паузы продолжила женщина, – если ты услышишь в голове голос в тот момент, когда мы доберемся до склепа, не слушай его. Это – Восьмая Ступень, древнейшая магия, с которой опасно шутить. С момента своего сотворения она свела с ума сотни людей. Ты готова?

Элизабет нервно сглотнула. Ком в горле не позволил ей задать вопрос. Она едва могла поверить, что Наставница разговаривает с ней и уж тем более что она выбрала именно ее в качестве своей помощницы в доставке важного предмета к склепу. Как правило, такой чести удостоивались служители рангом гораздо выше, чем просто библиотечный подмастерье. Надежда затрепетала в ней, словно птица, запертая в доме, которая то взлетает, то падает и снова взлетает, исчерпывая все силы в поисках пути к вольному небу. Ужас тенью мерк в ее сознании.

«Она дает мне шанс доказать, что я стою того, чтобы стать хранителем, – подумала девушка. – Если я не справлюсь, то погибну. Тогда от меня будет хоть какой-то толк – они похоронят меня в саду, чтобы мой труп стал удобрением для овощей».

Вытерев потные ладони о рясу, она кивнула.

Наставница направилась через дворик, и Элизабет последовала за ней. Гравий хрустел под ногами. Мерзкое зловоние, подобное запаху раскисшей от воды кожи, оставленной гнить на берегу, наполняло воздух по мере того, как они шли дальше. Элизабет выросла в стенах Великой библиотеки, окруженная вонью, издаваемой чернилами и пергаментом магических книг, но к такому она точно не привыкла. От смрада жгло глаза, а по всему телу бежали мурашки. Даже лошади занервничали, испуганно шарахаясь из стороны в сторону в своей упряжи, разбрасывая копытами камни и не обращая никакого внимания на попытки кучера их успокоить. В каком-то смысле Элизабет завидовала им – по крайней мере, они не догадывались, что везли за собой всю дорогу от столицы сюда.

Два хранителя спрыгнули с повозки, их руки крепко сжимали рукояти мечей. Элизабет приложила все силы, чтобы не отшатнуться, когда они пристально уставились на нее. Вместо этого она гордо выпрямила спину и задрала подбородок, намереваясь составить им достойную конкуренцию по части каменного выражения лица. Возможно, ей никогда не суждено заслужить меч, но, во всяком случае, она должна выглядеть достаточно храброй, чтобы им владеть.

Связка ключей Наставницы громко задребезжала, и задние двери повозки открылись с ужасающим скрипом. Поначалу в сумраке показалось, что железная клетка пуста. Внезапно Элизабет заметила предмет на полу повозки – плоский квадратный железный ящик, запертый более чем на десяток замков. Для постороннего человека такие предосторожности могли показаться абсурдными, но лишь ненадолго. Из-под крышки в сумрачной тишине раздавался глухой рокочущий звук: достаточно мощный, чтобы растрясти целую повозку и расшатать до дребезжания дверные петли клетки. Одна из лошадей громко заржала.

– Скорее, – поторопила Наставница. Она взялась за одну ручку ящика, Элизабет ухватилась за другую. Поделив вес ящика поровну, они направились к двери. На ее притолоке был вырезан свиток с надписью, оба конца которого держали плачущие ангелы. Смутная, почти нечитаемая в сумерках фраза на латыни гласила: «OFFICIUM ADUSQUE MORTEM». Девиз хранителей. Долг до самой смерти.

Они вошли в длинный каменный коридор, освещенный дрожащим светом факелов. Свинцовая тяжесть ящика давно оттянула руку Элизабет. Он больше не дергался, однако его неподвижность никак не успокаивала ее. Она догадывалась, что было тому причиной: книга слушала их. И ждала своего часа.

Другой хранитель стоял у входа в склеп. Когда он увидел Элизабет рядом с Наставницей, его маленькие глазки неприязненно заблестели. Это был Уорден Финч, ворчливый мужчина с короткими седыми волосами и отекающей физиономией, по которой были хаотично разбросаны черты лица, словно изюм в запеканке. Среди учеников он прославился тяжелой правой рукой, которой постоянно отвешивал тумачи подмастерьям.

Элизабет вцепилась в ручку ящика так сильно, что костяшки пальцев побелели, и инстинктивно приготовилась к удару, однако Финч ничего не мог сделать ей в присутствии Наставницы. Пробормотав что-то сквозь зубы, он потянул цепь. Сантиметр за сантиметром железная решетка, перегораживающая вход, поднялась, застыв оскалом своих острых черных зубов над их головами. Элизабет шагнула вперед.

И тут ящик накренился.

– Берегись! – моментально отреагировала Наставница, и обе повалились на каменную стену, кое-как пытаясь удержать равновесие. Сердце у Элизабет ушло в пятки. Ее ступня стояла на самом краю первой ступеньки винтовой лестницы, которая, головокруглительно завиваясь, уходила вниз в темноту.

Внезапно она осознала ужасную правду: гримуар хотел, чтобы они упали. Элизабет живо представила себе, как ящик, кувыркаясь, летит вниз по лестнице, отбивая куски известняка, и резко открывается. Все это могло случиться по ее вине.

Наставница похлопала ее по плечу.

– Все в порядке, Скривнер. Ничего страшного не произошло. Держись покрепче за перила и продолжай идти.

С большим усилием Элизабет заставила себя отвернуться, увидев злобную усмешку Финча. Они начали спуск. Прохлада подземелья поднималась из глубины, неся с собой запах холодного камня, плесени и чего-то неестественного. Этот камень сочился злом тех древних вещей, которые чахли в этой тьме веками, – неупокоенных, недремлющих духов. Во многих метрах под поверхностью земли тишина была такой, что Элизабет слышала стучащий в ушах пульс.

Она провела все детство, изучая тысячи закутков и закоулков Великой библиотеки, выпытывая с любопытством ее бесчисленные тайны, но никогда не была внутри этого склепа. Его существование в глубинах библиотеки казалось для нее чем-то страшно-таинственным, подобно монстру, прячущемуся в ночи под кроватью.

«Это мой шанс», – напомнила она себе. У нее не было права на страх.

Они вошли в помещение, напоминающее крипту собора. Стены, пол и потолок были вырезаны из серого камня. Ребристые колонны и потолки склепа украшали фрески; они вызывали благоговение. Фигуры ангелов, в ногах которых мерцали свечи, стояли в нишах вдоль стен. Полными печали глазами они смотрели на бесчисленные ряды железных полок, которые образовывали проходы к центру склепа. В отличие от книжных шкафов наверху, эти стеллажи были прикованы к полу. Цепи опутывали закрытые металлические ларцы, которые задвигались в полки подобно ящикам стола.

Элизабет уверила себя в том, что шепот, который она слышала, был лишь плодом ее воображения. Толстый слой пыли покрывал цепи. Большинство ящиков не открывалось веками, и их обитатели спали крепким сном. Тем не менее Элизабет ощутила покалывание в шее, будто кто-то наблюдал за ней.

Вместе с Наставницей они следовали вдоль полок, пока не подошли к самому центру склепа, в котором стояла большая клетка со столом, прикрученным к полу. Одинокая масляная лампа отбрасывала зелено-желтый свет на заляпанную чернилами столешницу. Ящик оставался на удивление неподвижным, пока они водружали его на деревянный стол, изуродованный четырьмя огромными шрамами, похожими на следы гигантских когтей. Элизабет не могла оторвать взгляд от этих отметин. Она знала, откуда они появились и что случилось, когда один из гримуаров вышел из-под контроля.

Малефикт.

– Какие меры предосторожности мы должны принять в первую очередь? – спросила Наставница, отвлекая Элизабет от мыслей. Испытание началось.

– Соль, – ответила она, доставая банку с пояса. – Как и железо, соль ослабляет злую энергию.

Руки Элизабет слегка тряслись, пока она рассыпала белые кристаллы, формируя перекошенный круг с неровными краями. Стыд выступил на щеках красным румянцем. Что, если она до сих пор не готова?

Едва заметный оттенок сердечности выступил на суровом лице Наставницы.

– Знаешь, почему я оставила тебя здесь, в этой библиотеке, Элизабет?

Девушка застыла, дыхание перехватило в груди. Наставница никогда не обращалась к ней по имени, только по фамилии – Скривнер, или иногда называла ее «ученицей». Это зависело от того, в какие неприятности она вляпалась, а случалось такое фантастически часто.

– Нет, Наставница, – ответила она.

– Хм-м-м... Как сейчас помню, шел сильный ливень. Гримуары в ту ночь были необычайно беспокойны: они издавали столько шума, что я едва услышала стук в дверь. – Элизабет с легкостью представила себе эту картину: дождь хлестал в окна, книги завывали и стонали,

громыхая цепями, в которые были закованы. – Когда я нашла тебя на ступенях библиотеки, то подняла и занесла внутрь. Я была просто уверена, что ты заплачешь, но вместо этого ты просто огляделась по сторонам и залилась смехом. У тебя не было и следа испуга. Уже в тот момент я знала, что не смогу отправить тебя в приют, потому что ты создана для библиотеки, как любая из этих книг.

Элизабет слышала эту историю и раньше, но только от учителей. Никогда Наставница не рассказывала ей это лично. Два слова отдавались эхом у нее в голове, повторяя ритм сердца: «ты создана». Те слова, которые она жаждала услышать на протяжении долгих шестнадцати лет и которые, как отчаянно надеялась, были правдой.

В гробовой тишине девушка наблюдала за тем, как Наставница тянется к связке ключей и выбирает из нее самый большой настолько древний и покрытый ржавчиной, что под ее слоем металл был уже почти неразличим. Время сантиментов для Наставницы прошло. Элизабет успокоила себя повторением заученного наизусть негласного обещания, которое дала сама себе и твердила ежедневно с тех пор, как себя помнила. Однажды ученица тоже станет хранителем. Наставница будет гордиться ею.

Соль просыпалась на стол, как только крышка ящика со скрипом отворилась. Отвратительный запах сгнившей кожи наполнил весь склеп, настолько сильный, что Элизабет почувствовала, как тошнота подступает к горлу. Внутри лежал гримуар. Это был толстый том с растрепанными пожелтевшими страницами, зажатый между двумя пластинами засаленной черной кожи. Он выглядел бы вполне обычно для колдовской книги, если бы не выпуклые округлые выступы на обложке. Они напоминали гигантские бородавки или пузыри на поверхности кипящей жижи. Каждый выступ размером с огромную жемчужину, и их было настолько много, что они покрывали буквально всю обложку.

Наставница натянула прошитые железными вставками перчатки. Элизабет поспешила последовать ее примеру, прикусив щеку изнутри, когда та вытащила книгу из ящика и положила его в середину соляного круга.

В тот самый момент, как книга коснулась стола, выпуклости на обложке тома неожиданно раскрылись. Это были не бородавки – все это были глаза. Разных цветов, налитые кровью и вращающиеся из стороны в сторону, с расширяющимися и сужающимися зрачками. Гримуар сотрясался в руках Наставницы. Скрипя зубами, она заставила его открыться. Действуя на автомате, Элизабет приблизилась к кругу из соли и прижала одну сторону книги, чувствуя ее дергающуюся и вздувающуюся кожу даже сквозь перчатки. Она выглядела такой разъяренной и такой живой.

Те глаза были не просто колдовским фокусом. То были настоящие глаза, давным-давно вырванные из чьих-то черепов и принесенные в жертву этому страшному тому, мощному настолько, чтобы хранить в себе все те заклятья, которые были запечатлены на его страницах. И, как говорит история, такие жертвы редко бывали добровольными.

– Книга Ока, – пояснила Наставница, не проявив и доли беспокойства. – Она содержит заклинания, которые позволяют чародеям проникать в сознание других людей, читать их мысли и даже контролировать их действия. К счастью, только несколько магов во всем королевстве когда-либо имели доступ к ней.

– А зачем вообще оставлять такую возможность? – выпалила Элизабет, прежде чем смогла удержаться. Ответ был очевиден. Чародеи по природе своей являлись чистым злом, поддавшимся развращающему влиянию демонической магии, которой они овладели. Если бы не Реформы, запретившие использовать части человеческих тел для изготовления подобных книг, гримуары вроде Книги Ока не были бы редкостью. Без сомнения, чародеи на протяжении многих лет предпринимали попытки копировать их, однако такие заклинания не могли быть написаны простыми способами на обычных материалах. Колдовская мощь мгновенно превратила бы чернила и пергамент в золу.

К удивлению Элизабет, Наставница восприняла вопрос серьезно, несмотря на то, что уже не наблюдала за ней. Она сосредоточилась на перелистывании страниц, пытаясь найти любые повреждения, которые книга могла получить во время столь долгого путешествия.

– Время, когда необходимость в таких заклятиях исчезнет, насколько бы мерзкими они ни были, еще не настало. Мы несем огромную ответственность перед всем королевством, Скривнер. Если этот гримуар будет уничтожен, заклинания, содержащиеся в нем, пропадут навеки. Он единственный в своем роде.

– Да, Наставница.

Все это она прекрасно понимала. Хранители одновременно защищали гримуаров от внешнего мира и внешний мир – от гримуаров.

Элизабет крепилась изо всех сил, пока Наставница сделала паузу, прильнув к странице книги, изучая пятно на ней. Перевозка настолько важных гримуаров всегда сопровождалась рисками, потому что любое случайное повреждение могло спровоцировать превращение гримуара в малефикт. Их необходимо было тщательно осмотреть до погребения в склеп. Элизабет была абсолютно уверена, что сразу несколько глаз, коварно поблескивая, уставились на нее сейчас с обложки книги.

По неведомым для нее самой причинам она точно знала, что не следует пересекаться с ними взглядом. Пытаясь отвлечься, она стала пристально разглядывать страницы. Некоторые предложения были нацарапаны на аустермерийском или на Древнем Наречии. Другие – на енохианском, языке чародеев, состоящем из странных угловатых рун, переливавшихся на пергаменте подобно тлеющей золе. Это был язык, овладеть которым можно лишь являясь с дьяволом. Даже беглый взгляд на руны заставил виски Элизабет яростно пульсировать.

«Послушница...»

Шепот проник в ее сознание, словно нечто инородное и такое же неожиданное, как холодное и осклизлое прикосновение рыбы под водой. Элизабет дернулась и посмотрела на Наставницу. Если она тоже слышала этот голос, то, во всяком случае, не подала виду.

«Я вижу тебя, послушница...»

Дыхание перехватило. Как учила Наставница, Элизабет старалась не обращать внимания на голос у себя в голове, однако оказалось совсем невозможным думать о чем-либо, кроме множества глаз, тарасившихся на нее и сверкающих своей зловещей осмысленностью.

«Посмотри на меня... Посмотри...»

Медленно, но уверенно, словно под влиянием невидимой силы, взгляд Элизабет начал опускаться.

– Ну, вот и все, – отозвалась Наставница. Ее голос звучал неотчетливо и искаженно, словно доносился из-под поверхности воды. – Мы закончили, Скривнер?

Не дождавшись ответа, она захлопнула гримуар. Шепот прекратился, и это привело Элизабет в чувство. Она шумно втянула воздух, и все лицо ее покраснело от стыда. Глаза на книге, яростно выпячиваясь, метались из стороны в сторону между Элизабет и Наставницей.

– Отличная работа, – произнесла последняя. – Ты держалась даже дольше, чем я ожидала.

– Я почти попала, – прошептала Элизабет. Как наставница могла хвалить ее? Липкий пот выступил на коже, и в прохладе склепа девушка начала дрожать.

– Да. Все это я и хотела показать сегодня. У тебя свой подход к гримуарам и какая-то особенная связь с ними, которой я не видела еще ни у одного ученика. Несмотря на это, тебе еще очень многое предстоит узнать. Ты ведь хочешь стать хранителем, верно?

Произнесенный перед Наставницей в присутствии статуй ангелов, выстроившихся вдоль стен склепа, мягкий ответ Элизабет стал образцом благочестия.

– Это все, чего я когда-либо желала.

– Помни, что для тебя открыто множество дорог. – Перекошенный шрам придавал лицу Наставницы печальное выражение. – Прежде чем сделать свой выбор, будь уверена в том, что путь хранителя – это действительно то, чего ты хочешь.

Элизабет кивнула, не позволяя себе открыть рта. Если она прошла это испытание, отчего Наставница предлагает ей отказаться от своей мечты? Возможно, послушница каким-то другим образом проявила свою нерешительность, неподготовленность. В таком случае ей нужно просто приложить больше усилий. Всего год остался до ее семнадцатилетия – возраста, когда она сможет поступить на учебу в Духовенстве. Это время она могла бы использовать для того, чтобы развеять все сомнения и заслужить одобрение Наставницы. Оставалось лишь надеяться, что этого будет достаточно.

Вдвоем они с трудом поместили гримуар обратно в ящик. В тот же миг, как он коснулся соли, судороги прекратились. Глаза закатились, демонстрируя полумесяцы белков, прежде чем закрыться окончательно. Стук закрывающейся крышки сотряс замогильную тишину склепа. Этому сундуку не суждено будет открыться еще годы, а может быть, и десятилетия. Он находился под надежной защитой и больше не представлял опасности.

И все же Элизабет никак не могла избавиться от голоса в своей голове и от чувства, что лицемерила книгу не в последний раз. А Книга Ока, в свою очередь, видела не в последний раз Элизабет.

Глава вторая

Элизабет откинулась на спинку стула, наслаждаясь видом. В порученную ей работу входило налаживание перевозок, а рабочее место располагалось на третьем этаже. Отсюда был виден весь атриум библиотеки. Солнечный свет струился сквозь окно-розетку высоко над входными дверями, рассыпаясь рубинами, сапфирами и изумрудами на бронзовых перилах круглых террас. Книжные шкафы взлетали высоко вверх прямо к сводчатым потолкам, вздымаясь вокруг атриума словно слои свадебного торта или многочисленные ярусы Колизея. Шепот, отдающийся эхом и прерываемый время от времени чьим-то покашливанием или храпом, наполнял пространство. Большую часть этих звуков издавали вовсе не библиотекари в синих рясах, вышагивающие туда-сюда по кафельному полу атриума. Шум исходил от гримуаров, тихо бормочущих на своих полках.

Элизабет вздохнула, и сладкий аромат пергамента и кожи наполнил ее легкие. Пылинки висели в лучах солнца, совершенно неподвижные, словно хлопья золотой листвы, застывшие в смоле. Стопки бумаг угрожающе пошатнулись, собираясь в любой момент совершить побег с рабочего стола и навсегда похоронив ее под лавиной из необработанных транспортных запросов.

С неохотой она сосредоточила свое внимание на выстроившихся перед ней бумажных кипах. Великая библиотека Саммерсхолла была одной из шести Великих библиотек королевства. Целых три дня пути отделяло их от ближайших соседей, которые равномерно располагались по окружности вокруг Аустермера, соединяемые Чернильными Путиями, сходящимися в столице, подобно спицам колеса. Транспортировка гримуаров между библиотеками была весьма деликатным делом. Некоторые колдовские книги питали такую мощную злобу по отношению друг к другу, что обычно их совместное перемещение заканчивалось диким воем или взрывами. На пустоши Дикого Перехода было место, где две книги не сошлись во мнениях об одной религиозной доктрине. Сейчас там остался лишь кратер размером с целый дом.

Как послушнице, Элизабет полагалось подтверждать перевозки книг с Первой до Третьей ступеней. Гримуары классифицировались по шкале от одного до десяти в соответствии с уровнем риска – начиная с Четвертой ступени требовались особые условия перевозки и усиленные меры предосторожности. В самом Саммерсхолле хранились тома не выше Восьмой ступени.

Закрыв глаза, Элизабет потянулась к листу бумаги на верхушке стопки.

– Нокфельд, – предположила она, размышляя о ближайшем соседе Саммерсхолла на северо-востоке.

Однако, перевернув лист, она обнаружила, что это был запрос из Королевской библиотеки. Неудивительно. Оттуда приходило две трети всех запросов. Однажды она тоже соберет все свои пожитки и отправится туда. Королевская библиотека находилась на одном клочке земли рядом с Духовенством в самом сердце столицы, поэтому, когда у нее появится свободное от учебы время, она прогуляется вдоль ее стен. В своем воображении Элизабет рисовала протянувшиеся на многие километры коридоры, заставленные книгами, со множеством ходов и потайных комнат, которые прятали в себе все секреты вселенной.

Все это станет возможным, только если она заслужит одобрение Наставницы. С той ночи в склепе прошла неделя, а она по-прежнему мучилась в догадках, что же означал ее совет.

Элизабет до сих пор ясно помнила момент, когда поклялась себе, что станет хранителем. Ей было всего восемь, и она спасалась бегством от лекций Мастера Харгрува в одном из секретных ходов библиотеки. У нее не было ни сил, ни желания сидеть еще час в душной кладовой, переделанной в кабинет, декламируя склонения Древнего Наречия. Только не посреди дня, когда солнце так яростно вколачивало свои кулаки в стены библиотеки, сгущая воздух до консистенции меда.

Элизабет помнила, как пот градом катился по спине по мере того, как она ползла по низким переходам на четвереньках. По крайней мере, в нем было темно – туда не проникало солнце. Золотистого сияния, которое просачивалось сквозь доски в полу прохода, было достаточно, чтобы видеть что-то перед собой, но не замечать носящиеся туда-сюда тени книжной тли, гнезда которой она задевала, из-за чего насекомые в панике разлетались.

Если бы только Мастер Харгрив согласился взять ее в город в тот день! Это путешествие представляло собой пятиминутный спуск с холма через фруктовые сады. На рынке суетливые продавцы продавали всякую всячину, начиная с тесьмы и заканчивая яблоками в сладкой глазури. Иногда путешественники приходили в Саммерсхолл приторговать мелочами. Однажды Элизабет даже слышала там игру на аккордеоне и видела танцующего медведя, а как-то раз ей удалось застать мужчину, демонстрирующего лампу, фитиль которой горел без масла. Книжки в ее классной комнате не смогли объяснить, как та работает, поэтому она решила, что дело в магии, а, значит, за этим скрывалось что-то недоброе.

Возможно, именно по этой причине Мастер Харгрив не любил брать ее с собой в город. Если бы она встретила чародея, будучи без защиты, он тотчас похитил бы ее. Молодая девчонка вроде нее стала бы прекрасной жертвой для какого-нибудь демонического ритуала.

Голоса вернули Элизабет к реальности – они раздавались снизу. Один голос принадлежал Мастеру Харгриву, а другой...

Наставнице.

Ее сердце подпрыгнуло в груди. Она прижалась к доскам, пытаясь разглядеть что-то через отверстие от сучка. Свет, проникающий сквозь щели, сверкал в ее спутанных волосах. Элизабет могла разглядеть совсем немного: кусок стола, покрытый бумагами, и угол незнакомого ей кабинета. Мысль о том, что это мог быть кабинет Наставницы, заставил ее пульс участиться.

– Уже третий раз в этом месяце, – сказал Харгрив. – У меня уже ум за разум заходит. Эта девчонка – настоящая дикарка. Пропадает бог пойми где, постоянно впутывается во всякого рода неприятности. А на прошлой неделе она высыпала целый ящик книжной тли мне в кровать!

Элизабет едва остановила себя от того, чтобы громко заявить свой протест прямо через дыру в доске. Она методично собирала книжную тлю с дальнейшим намерением подвергнуть ее тщательному изучению и вовсе не планировала ее освободить. Эта потеря явилась для нее огромной неудачей.

Однако то, что Харгрив сказал после, заставило ее забыть о летающих паразитах.

– Я просто сомневаюсь, правильным ли это было решением – растить ребенка в стенах Великой библиотеки. Я уверен: тот, кто подбросил ее к нашим дверям, знал, что мы превращаем таких подкидышей в учеников, однако мы не принимаем мальчиков и девочек младше тринадцати. Я не хочу соглашаться с Уорденом Финчем в чем бы то ни было, однако считаю, мы должны задуматься над тем, что он продолжает твердить нам: девочке, возможно, будет лучше в приюте.

Хотя это и выбило ее из колеи, Элизабет не слышала ничего подобного прежде. Ей приходилось выносить замечания в свой адрес, зная, что Наставница всегда обеспечит ей место в этой библиотеке. Почему? Это оставалось для нее загадкой. Наставница редко разговаривала с ней. Она была холодной и недосыгаемой, словно луна, и такой же таинственной. В глазах Элизабет решение Наставницы взять ее на свое попечение обладало какой-то почти магической силой. Случившееся представлялось ей сказочной историей и не могло подвергаться критике или сомнениям.

Затаив дыхание, она ждала, когда Наставница нанесет встречный удар по нелепому предложению Харгрива. Предвкушая услышать ее ответ, Элизабет ощутила, как по коже рук побежали мурашки.

Но вместо этого Наставница произнесла:

– Я думала о том же, Мастер Харгрув. И размышляю об этом почти каждый день на протяжении последних восьми лет.

Нет. Это не могло быть правдой. Кровь застыла в жилах Элизабет. Звон в ушах практически оглушил ее.

– Все эти годы я не задумывалась о том, как может повлиять на нее воспитание в этих стенах. Она совершенно оторвана от детей ее возраста. Самые младшие подмастерья минимум на пять лет старше нее. Она предпринимала какие-то попытки с ними подружиться?

– Да, но, боюсь, мало в этом преуспела, – ответил Харгрув. – Думаю, она еще не понимает многих вещей. Недавно я слышал, как один из учеников объяснял ей, что у обычных детей есть матери и отцы, а бедная Элизабет совершенно не понимала, о чем идет речь. Она жизне-радостно ответила, что у нее достаточно книг, которые составляют ей компанию.

Наставница вздохнула.

– Ее связь с колдовскими книгами...

– Вызывает настороженность? Определенно, да. Боюсь, что она не страдает от недостатка общения именно потому, что друзей ей заменяют гримуары.

– Что весьма опасно. Впрочем, библиотеки – это вообще опасные места, так что риска не избежать.

– Вы не думаете, что это может быть слишком опасно для Элизабет?

«Нет», – взмолилась про себя Элизабет.

Она знала, что в Великой библиотеке хранились необычные книги. Они шептали ей с полок и содрогались под железными цепями. Некоторые плевались чернилами и изрыгали проклятья, другие в безветренные тихие ночи, когда звездный свет лился сквозь решетчатые окна библиотеки подобно стрелам из ртути, начинали распевать высокими чистыми голосами. Какие-то экземпляры были настолько опасны, что их приходилось хранить в склепах под землей, засыпанными солью. Не все книги могли заменить ей друзей, это она прекрасно понимала.

Однако отослать ее из этого места – все равно что оставить гримуар среди неодушевленных книг, которые не могли двигаться или разговаривать. Когда Элизабет впервые увидела такую книгу, она подумала, что та мертва. Ее место было точно не в приюте. Девушка понятия не имела, что такое приют. В ее воображении это место напоминало тюрьму – серую, окутанную влажным туманом, запертую глухой решеткой, подобно склепу. При одном только представлении этой картины ужас перехватывал горло.

– Знаете ли вы, почему Великие библиотеки берут на попечение сирот, Мастер Харгрув? – наконец спросила Наставница. – Потому что у них нет ни дома, ни семьи. Никто не будет тосковать по ним, когда их не станет. Я иногда думаю, может быть... если Скривнер продержалась так долго, это произошло, потому что так хотела сама библиотека? Может, стоит сохранить ее связь с этим местом, будь она во имя добра или зла.

– Надеюсь, вы не совершаете ошибку, Наставница, – мягко отозвался Мастер Харгрув.

– Я тоже на это надеюсь, – устало прозвучал голос Наставницы. – Во благо Скривнер и всех нас.

Элизабет выжидала, наострив уши, однако судьбоносный разговор, по всей видимости, подошел к своему логическому завершению. Послышались шаги, и дверь кабинета со скрипом закрылась.

Ей дали отсрочку – ненадолго. Сколько это продлится? Основы ее мира пошатнулись, и казалось, что вся ее жизнь может пойти под откос в любой момент. Одно слово Наставницы, и она будет выслана из этого места очень далеко. Элизабет еще никогда не чувствовала себя настолько неуверенной, настолько беспомощной и незначительной.

Именно тогда, согнувшись в три погибели среди пыли и паутины, она и принесла ту клятву, хватаясь за единственную соломинку, которая у нее осталась. Если Наставница не уверена, что Великая библиотека – лучшее место для Элизабет, ей придется доказать это. Она

станет великим хранителем, как сама Наставница. Она докажет всем, что заслуживает право быть здесь, и никто, даже Уорден Финч, не сможет оспорить его.

Несмотря ни на что, она должна убедить их, что ее пребывание здесь никогда не было ошибкой.

– Элизабет, – окликнул ее голос из реальности. – Ты спишь?

Ошарашенная, она подскочила. Воспоминания унеслись в бешеном водовороте. Элизабет озиралась по сторонам в поисках источника голоса. Девушка выглянула из прохода между двумя книжными шкафами. Ее коса упала на плечо, когда она, оглядываясь, убедилась, нет ли кого поблизости. Очки увеличивали темные умные глаза, наскоро нацарапанные знаки на темной коже предплечий проглядывали из-под рукавов. Как и у Элизабет, на шее у нее был ключ на цепочке, ярким пятном выделявшийся на фоне бледно-синей формы подмастерья.

На свою удачу, Элизабет не суждено было остаться одинокой навсегда и совсем не завести друзей. Она познакомилась с Катрин Квиллуорт в тот самый день, когда они обе стали подмастерьями по достижении тринадцати лет. Никто из учеников не хотел делить с Элизабет комнату из-за слухов о том, что под своей кроватью она хранила коробку, полную книжной тли, а Катрин подошла к ней именно по этой причине.

– Лучше бы это было правдой, – сказала она. – С тех пор как я услышала об этих существах, я страшно хотела над ними поэкспериментировать. Оказывается, на них не действует никакая магия – можешь себе представить, какое влияние это может оказать на науку?

С тех пор они были неразлучны.

Элизабет отодвинула бумаги в сторону.

– Что-то случилось? – шепотом спросила она.

– Я думаю, ты единственный человек в Саммерсхолле, кто не знает, что случилось. Не считая Харгрува, который провел утро в туалете.

– Неужели Уордена Финча разжаловали? – с надеждой спросила Элизабет.

Катрин ухмыльнулась.

– Я все еще работаю над этим. Уверена: в конце концов, я смогу найти на него что-то компрометирующее. Когда это случится, ты узнаешь обо всем первая.

Свержение Уордена Финча было ее главной целью на протяжении многих лет.

– Нет, дело в магистре. Он прибыл, чтобы осмотреть склеп.

Элизабет чуть не упала со стула. Она огляделась по сторонам и стрелой юркнула за книжный шкаф, поближе к Катрин, наклонившись, чтобы лучше ее слышать. Та была настолько низкого роста, что Элизабет могла видеть только верхушку ее головы.

– Магистр? Ты уверена?

– Абсолютно. Я еще никогда не видела хранителей такими взвинченными.

Сейчас, когда Элизабет промотала у себя в голове события сегодняшнего дня, все стало очевидным. Хранители все утро сновали туда-сюда со сжатыми зубами и руками, стиснувшими рукояти мечей. Ученики сбивались в группки в коридорах, перешептываясь на каждом углу. Даже гримуары были более беспокойны, чем обычно.

Магистр. Ужас прошел сквозь все тело девушки, подобно звуку, заставляющему дрожать струны арфы.

– Что ему здесь нужно? – спросила она.

Никто из них никогда не видел даже обычного чародея. В тех редких случаях, когда они появлялись в Саммерсхолле, хранители встречали их через специальные двери и сопровождали напрямиком в читальный зал. Она была уверена, что в случае с магистром предприняли бы более серьезные предосторожности.

Глаза Катрин просияли.

– Стефан поспорил со мной, что у магистра заостренные уши и раздвоенные копыта. Это не так, и я просто обязана доказать ему свою правоту. Я собираюсь выследить магистра, а ты подтвердишь мой рассказ.

Элизабет вздохнула. Взгляд невольно упал на пустой стол.

– Чтобы это сделать, нам придется нарушить кучу правил.

– А Финч насадит наши головы на пики, если узнает об этом, – продолжила за нее Катрин. – Но этого не случится. Он не знает о потайных ходах.

На этот раз Финч был не самым большим опасением Элизабет. В сознании всплыла Книга Ока с ее налитыми кровью, выпученными глазами. Любая пара тех глаз могла принадлежать кому-то вроде нее или Катрин.

– Если магистр поймает нас, – сказала она, – он поступит гораздо хуже, чем просто насадит наши головы на пики.

– Сомневаюсь. Реформы запретили чародеям убивать людей за исключением случаев самообороны. Он просто заставит нас облысеть или покрыться фурункулами. – Катрин игриво повела бровями. – Ну же, это возможность, которая дается всего раз в жизни. По крайней мере, для меня это именно она. Когда я еще смогу увидеть магистра? Много ли шансов у меня будет получить магические фурункулы?

Катрин мечтала стать архивариусом, а не хранителем, и ее работа не была бы связана с чародеями, в отличие от Элизабет...

Искра вспыхнула в ее сознании. Катрин права, это та самая возможность. Совсем недавно она решила прилагать все усилия, чтобы впечатлить Наставницу. Хранители не боялись чародеев, поэтому чем больше она узнает о них, тем более подготовленной будет.

– Хорошо, – сказала она, выпрямляя спину. – Вероятнее всего, они поведут его в восточный читальный зал. Нам сюда.

Пока они с Катрин пробирались меж книжных полок, Элизабет пыталась избавиться от гнетущего чувства тревоги. Она старалась поступать как должно и не нарушать правила, однако ее попытки каким-то непонятным ей самой образом никогда не срабатывали. В прошлом месяце случилась та катастрофа с люстрой – по крайней мере, сейчас нос госпожи Беллуэзер выглядел почти прилично. А тот раз, когда она разлила повсюду клубничный джем... Впрочем, лучше не вспоминать об этом.

Когда они добрались до бюста Корнелиуса Мудрого, который Элизабет использовала как ориентир, она огляделась в поисках темно-красного корешка книги, который обнаружился на верхних полках. Золотая надпись истерлась и осыпалась. Страницы гримуара сонно захрустели, приветствуя ее, когда она потянулась и протерла его обложку. Щелчок, похожий на звук открывающегося замка, раздался из глубин книжного шкафа. Целая панель с полками отъехала внутрь, освобождая пыльный проход.

– Не могу поверить, что это выходит только у тебя, – сказала Катрин, как только они нырнули внутрь. – Я пробовала тереть его сотни раз, как и Стефан.

Элизабет пожалала плечами. Этого она тоже не понимала. Она постаралась удержаться от чиха, пока вела Катрин по узкому извилистому коридору, смахивая паутину, которая свисала подобно призрачным гирляндам с балок перекрытий. Другой конец перехода находился за гобеленом, висящим в читальном зале. Они остановились и прислушались, желая убедиться в том, что комната пуста, прежде чем выбраться из-за тяжелого куска ткани, кашляя в рукава своей формы.

Ученикам запрещалось заходить в читальный зал, и Элизабет одновременно была рада и разочарована, обнаружив, что это самая обычная комната. Ее обставили в мужском стиле, с большим количеством отполированного дерева и темной кожи. Огромный стол из красного дерева стоял у окна, несколько кожаных кресел окружали трещащий камин, дрова в котором взорвались и изрыгнули целый фонтан искр в момент, когда они выпрыгнули из-за гобелена.

Катрин не тратила время зря. Пока Элизабет осматривалась, она прошла напрямик к столу и начала рыться в ящиках.

– Научный интерес, – объяснила она. Именно эти слова она чаще всего произносила перед тем, как что-то взрывалось.

Элизабет подошла к камину.

– Что за запах? Что-то горит?

Катрин притормозила и потянула носом воздух.

– Табачный дым? – предположила она.

Нет, это было что-то другое. Усиленно пригнувшись, Элизабет отследила источник запаха – он исходил от одного из кресел. Вобрав в себя воздух над изголовьем, она в отвращении отскочила. Голова закружилась.

– Элизабет! Ты в порядке?

Она глотала свежий воздух, хлопая ресницами и пытаясь согнать слезы. Едкий запах, настолько сильный, что она могла почувствовать его вкус, казалось, прилип к языку. Это был неестественный запах гари – такой, какой издавал бы горящий металл, если бы вообще мог гореть.

– Думаю, да, – прохрипела она.

Катрин открыла рот, чтобы что-то сказать, но внезапно перевела взгляд на дверь.

– Слышишь? Они идут.

Не медля ни секунды, они втиснулись в пространство за книжными полками, выстроенными вдоль стены. Катрин влезла с легкостью, тогда как Элизабет пришлось сложиться буквально пополам. В свои четырнадцать она уже была самой высокой девочкой в Саммерсхолле, а двумя годами позже переросла большинство мальчишек. Девушка сложила руки по бокам и старалась почти не дышать, надеясь успокоить тем самым гримуаров, которые начали сердито ворчать, выражая свое неодобрение по поводу столь неожиданного вторжения.

Со стороны коридора донеслись голоса, и ручка двери повернулась.

– Прошу, Магистр Торн, – произнес хранитель. – Наставница скоро подойдет, чтобы сопроводить вас в склеп.

Желудок совершил пару-тройку акробатических трюков в животе Элизабет, когда высокая фигура в капюшоне шагнула внутрь читального зала. Изумрудно-зеленая мантия клубами вздымалась вокруг каблучков его ботинок. Пересекши комнату, он отдернул занавески и устоялся на окружавшее башни библиотеки пространство.

– Что там происходит? – Катрин глубоко дышала где-то под ее плечом. – Мне отсюда ничего не видно.

Обзор у Элизабет был также незавидный и состоял из одной горизонтальной полоски над корешками книг. Медленно и осторожно, сантиметр за сантиметром, она двигалась, чтобы подобрать более удобный ракурс. В зоне видимости показался кончик бледного носа магистра. Он снял капюшон. Его волосы были волнистые и черные, как смоль, при этом гораздо длиннее, чем волосы мужчин из Саммерсхолла. Левый висок пронзала яркая серебристая прядь. Еще пару сантиметров в сторону и...

«Да он чуть старше нас», – подумала Элизабет, немало удивившись. Серебряная прядь волос и его титул создавали впечатление кого-то более почтенного возраста. Возможно, его облик был обманчив. Как-то Элизабет читала роман, в котором чародеи принимали ванны из крови девственниц, чтобы сохранить молодость.

Она тряхнула головой, чтобы привлечь внимание Катрин. Волосы магистра казались слишком густыми, чтобы сказать однозначно, были ли у него заостренные уши, а подол мантии выглядел слишком длинным, чтобы разглядеть копыта.

Девушка еще раз тряхнула головой, на этот раз сильнее и нетерпеливее. Неожиданно магистр обернулся и устоялся на книжные полки. Его необычайно светлые серые глаза, похо-

жие на кварц, и пронзительный взгляд заставили заледенеть кровь в жилах Элизабет. Она еще никогда не видела таких жестоких глаз.

Они с Катрин не сходились во мнении, что он не навредит им, если заметит. Элизабет выросла на рассказах о колдунах: об армиях чародеев, восставших из могил, чтобы сражаться во имя королей; о невинных людях, принесенных в жертву в кровавых ритуалах; о детях, освеженных и отданных самому дьяволу. Девушка и сама побывала в склепе и своими глазами видела дело рук чародея.

По мере того, как магистр подходил все ближе, Элизабет с ужасом осознала, что не может пошевелиться. Один из гримуаров схватил подол ее рясы и зажал между страницами, рыча и дергая ткань, словно злой терьер. Глаза чародея сузились, пытаясь найти источник шума. В отчаянии Элизабет схватилась за ряску и потянула на себя, одновременно с гримуаром, резко дернувшем ее прямо на полки. И тут шкаф обрушился, погребая ее под горами книг.

Глава третья

В ушах у Элизабет пронзительно звенело. Она проглотила огромное облако пыли. Когда зрение прояснилось, она увидела магистра, склонившегося над ней.

– Что тут происходит? – спросил он.

Полный страха крик, больше похожий на кваканье, вырвался из груди Элизабет. Она бросилась прочь от гостя, карабкаясь сквозь горы книг и сломанных полок.

Будучи наполовину ослепленной от ужаса, ей понадобилось гораздо больше времени на осознание того, что с ней все в порядке, за исключением пары заноз совершенно немагического происхождения, торчащих из кожи.

Она застыла.

Чародей опустился на одно колено и сцепил руки поверх друг друга. Свет из камина играл на его бледном угловатом лице. Элизабет попыталась отвести от него взгляд, но не смогла. С колотящимся о ребра сердцем она могла думать лишь о том, использует ли он магию, чтобы приковать ее взгляд, или она слишком напугана, чтобы смотреть по сторонам. Каждая черта его лица, от выгнутых правильной дугой бровей до саркастичного изгиба рта, отражала нечто злодейское.

– Вы не ранены? – спросил он наконец.

Она не ответила.

– Вы умеете разговаривать?

Если бы она снова не ответила, он мог бы заставить ее говорить, причинив боль. Приложив все возможные усилия, она издала еще один квакающий звук. Удивление заблестело в его глазах.

– Меня предупреждали, что я могу столкнуться со странными вещами за пределами столицы, – произнес он, – однако должен признать, что не ожидал встретить одичавшую девчонку-библиотекаря, упавшую с книжного шкафа.

У Элизабет было лишь смутное представление о том, как она выглядела в тот момент, судя по тем частям тела, которые сама могла разглядеть: заляпанные чернилами ногти и запылившаяся ряса. Она не могла вспомнить, когда в последний раз расчесывала волосы, которые торчали спутанными клоками. Ее посетила хрупкая надежда, что, выгляди она чересчур неопрятно и неприглядно, он может решить, что девчонка не стоит того, чтобы тратить на нее свое время и магию.

– И я не ожидала встретить вас, – словно со стороны услышала она свой ответ. И тут же в ужасе прикрыла рот рукой.

– Так ты умеешь разговаривать. Наверное, ты просто не хотела разговаривать именно со мной? – Он приподнял бровь в ответ на ее кивок.

– Разумная предосторожность. Мы, чародеи, – те еще злодеи. Рыскаем по лесам и дебрям, похищаем девиц для своих нечестивых ритуалов...

Элизабет не успела отреагировать на его слова, как раздался стук в дверь.

– Все в порядке, Магистр? Мы слышали какой-то грохот.

Низкий грубый голос принадлежал Уордену Финчу. Элизабет подскочила в полной готовности, инстинктивно защищая запястья. Если Финч обнаружит, что она нарушила правила, да еще и разговаривала с магистром, он не станет заморачиваться с хлыстом. Его трость не оставит на ней живого места. Шрамы останутся на всю жизнь.

Оценивающий взгляд магистра задержался на ней, прежде чем он повернулся к двери.

– Все в полном порядке, – ответил мужчина. – Если вы не возражаете, я бы предпочел, чтобы меня не беспокоили до тех пор, пока Наставница не будет готова отвести меня в склеп. Всякие чародейские дела, знаете ли. Это личное.

– Да, Магистр. – Голос Финча звучал очень недовольно, однако он все же отошел от двери. Слишком поздно Элизабет осознала свою глупость. Ей следовало позвать Финча на помощь. Она могла придумать сразу несколько причин, по которым магистр мог бы хотеть остаться с ней наедине, и избиение тростью меркло в сравнении с ними.

– Теперь, – продолжил он, поворачиваясь к ней, – я полагаю, что мне следовало бы прибавиться здесь, пока кто-нибудь не обвинил меня в этом беспорядке. А это означает, что вам придется встать.

Он расцепил руки, поднялся с колен и протянул ей свою ладонь: пальцы были длинными и тонкими, как у пианиста.

Она уставилась на руку так, будто он приставил кинжал к ее груди.

– Ну же, – сказал он с нарастающим нетерпением, – я не собираюсь превращать тебя в ящерицу.

– А вы можете это сделать? – прошептала она. – Правда?

– Конечно. – Озорной блеск появился в его глазах. – Но я превращаю девиц в ящериц только по вторникам. К счастью для тебя, сегодня среда – по средам я пью кровь сирот на ужин.

Магистр выглядел абсолютно серьезным. Судя по всему, он не обратил внимания на ее рысу ученицы, а, значит, по умолчанию, сироты.

Намереваясь отвлечь его, она схватила руку. Элизабет не забыла о миссии Катрин. Когда магистр потянул ее вверх, она нарочито споткнулась и вцепилась пальцами в его черные с серебром волосы. От удивления мужчина моргнул. Он был практически одного роста с Элизабет, и их лица почти соприкоснулись. Его губы разомкнулись, будто магистр хотел что-то сказать, однако не издал ни звука.

Ее дыхание участилось. С таким ошарашенным выражением лица он выглядел совсем не как колдун, который имеет дело с нечистой, а как обычный молодой мужчина. Его волосы были мягкие, как шелк – Элизабет удивилась, что обратила на это внимание. Она поспешно отдернула руки и попятилась назад.

Магистр ухмыльнулся.

– Не переживай, – успокоил он, приглаживая свои всклокоченные волосы. – Молодые леди хватали меня за более компрометирующие места. Я понимаю, что с такими порывами иногда сложно бороться.

Не дожидаясь ее реакции, он повернулся, чтобы оценить масштабы разгрома. И спустя минуту раздумий поднял руки и произнес набор слов, от которого у Элизабет зажужжало в ушах, а мозг буквально вывернулся наизнанку. Пораженная, она поняла, что чародей говорил на енохианском. Он не был похож ни на один язык, который она слышала прежде. Элизабет показалось, что какие-то слова были ей знакомы, однако в тот момент, когда она попыталась повторить их у себя в голове, буквы ускользнули из ее сознания, оставляя за собой лишь оглушительную пустоту, подобную тишине после оглушающего раската грома.

Слух вернулся к ней с шелестом шуршащей бумаги. Горы рассыпанных гримуаров начали исчезать. Один за другим они поднимались в воздух, паря перед раскинутыми руками чародея среди вихрей изумрудного света. Они крутились и переворачивались, меняясь местами и сортируясь в алфавитном порядке, в то время как позади них книжный шкаф с мучительным треском восстанавливал свое прежнее состояние. Поломанные полки снова становились целыми, гримуары возвращались на свои места. Пара упрямых книг поменялась местами в последнюю секунду.

«Магия, – пронеслось в голове у Элизабет. – Так вот как она выглядит».

И, прежде чем остановить себя от этой мысли, она подумала: «Это прекрасно».

Она никогда не позволила бы себе произнести подобное вслух. Такое чувство граничило с предательством по отношению к Великой библиотеке и ее клятве. Однако часть ее противилась мысли о том, что, будучи примерной ученицей, Элизабет должна закрыть глаза и при-

твориться, что не видела всего этого. Как мог хранитель бороться против того, о чем не имел представления? Определенно, было бы гораздо правильнее сойтись лицом к лицу со злом, чем трусливо прятаться от него, избегая возможности научиться чему-то новому.

Изумрудные искры все еще танцевали посреди книжных полок. Элизабет подошла поближе, чтобы дотронуться до гримуаров, и почувствовала прикосновение магии, такой свежущейся и покалывающей кожу, словно она опустила руки в ведро с шампанским. К ее удивлению, это не доставило никакой боли. С ее телом не произошло ровным счетом ничего – руки не поменяли цвет и не съежились, как чернослив.

Когда она отвела взгляд, чародей так изумленно смотрел на нее, будто у Элизабет выросла вторая голова. Было очевидно: он ожидал, что она испугается.

– Откуда этот запах? – спросила она, осмелев.

Мужчина моментально растерялся.

– Что?

– Этот запах жженого металла. Это магия, не так ли?

– А. – Морщина проявилась между его темными бровями. Возможно, онахватила лишнего. Но он продолжил: – Не совсем. Иногда этот запах появляется в месте, где совершается магия, но только если заклинание очень сильное. Фактически это запах не магии, а реакции, которая возникает между материей Потустороннего мира, демонического, и нашего.

– Что-то вроде химической реакции? – уточнила Элизабет.

Он посмотрел на нее еще более странно.

– Именно так.

– Этому есть название?

– Мы называем это «эфирным горением». Но как ты вообще...

Его прервал стук в дверь.

– Мы готовы, Магистр Торн, – послышался голос Наставницы из-за двери.

– Конечно, – ответил он. – Одну минуту.

Чародей оглянулся на Элизабет, будто ожидал, что она растворилась словно мираж в тот же миг, как он отвернулся. Его светлые глаза буравили ее. На долю секунды ей показалось, будто он намерен сделать что-то большее – произнести прощальное слово или насрать на нее проклятье. Она сжалась, готовясь к худшему. Вдруг тень прошла по его лицу, и глаза закрылись. Он развернулся на каблуках и направился к двери, не произнеся ни слова, напомнив ей тем самым, что он – магистр, а она – скромная библиотечная воспитанница, недостойная его внимания. Она скользнула обратно за книжную полку, затаив дыхание. Рука высунулась и схватила ее.

– Элизабет, ты с ума сошла! – прошипела Катрин, появляясь из темноты книжных полок. – Не могу поверить, что ты к нему прикасалась. Я уже приготовилась выпрыгнуть отсюда и поколотить его одним из этих гримуаров. Итак? Каков твой вердикт?

Элизабет была вне себя от возбуждения. Она улыбнулась, а потом, по неведомой для самой себя причине, рассмеялась.

– Никаких остроконечных ушей, – выдохнула она. – Вполне обыкновенные уши.

Внезапно дверь в читальный зал со скрипом отворилась. Катрин зажала рукой рот Элизабет, чтобы приглушить ее смех. И сделала это вовремя – за дверью стояла Наставница. Она была по обыкновению сурова, а вихрь рыжих волос горел словно расплавленная медь на фоне темно-синего одеяния. Она окинула взглядом комнату и застыла. Спустя секунду беглого осмотра ее взгляд безошибочно отыскал и задержался на Элизабет, стоявшей позади полок. Та застыла, но Наставница не произнесла ни слова. Один уголок ее рта дернулся, оттягивая шрам на щеке. Затем дверь с таким же скрипом затворилась, и они с магистром исчезли.

Глава четвертая

Визит магистра ознаменовал последнее волнующее событие сезона. Под натиском палящей жары наступило лето. Вскоре после этого библиотеку охватила Корешковая эпидемия, которая оставила всех измученными, абсолютно несчастными и вынужденными на протяжении недель массировать корешки гримуаров с пахучими мазями. Элизабет была поручена забота о гримуарах Второй ступени под названием «Декреты Бартоломью Траута», которые приобрели привычку вызывающе дергаться всякий раз, когда видели ее приближение. К тому времени как над Саммерсхоллом разразилась первая осенняя гроза, она уже не могла и смотреть на все эти баночки с мазями. Все, чего ей хотелось – рухнуть в постель и проспать несколько лет.

Вместо этого она проснулась глубокой ночью, уверенная, что услышала какой-то звук. Ветер хлестал деревья снаружи, завывая под карнизами. Ветки отрывистыми ударами стучали по окнам. Гроза была оглушающей, но Элизабет не могла избавиться от чувства, что проснулась совсем по другой причине. Она села в постели и сбросила одеяло.

– Катрин? – прошептала она.

Та перевернулась, бормоча что-то во сне. Она не проснулась даже тогда, когда Элизабет протянула руку и потрясла ее за плечо.

– Шантажировать его, – пробормотала ее подруга в подушку, все еще видя сны.

Нахмурившись, Элизабет выскользнула из постели. Она зажгла свечу на ночном столике и огляделась в поисках чего-нибудь подозрительного.

Комната, которую она делила с Катрин, находилась высоко в одной из башен библиотеки. Она была маленькой и круглой, с узким окном, которое пропускало сквозняки, когда ветер дул с востока, подобно тем, что украшали стены замков. Все выглядело точно так же, как и тогда, когда Элизабет ложилась спать. Книги лежали открытыми на комодe и были свалены грудями вдоль изогнутых каменных стен, а записи очередного эксперимента Катрин валялись на ковре. Элизабет позаботилась о том, чтобы не наступить на них, когда направилась к двери и выскользнула в коридор со свечой в руке, окутывающей ее своим туманным сиянием. Толстые стены библиотеки заглушали вой ветра до звука отдаленного шепота.

Босиком, в одной ночной рубашке, она спускалась по лестнице, словно привидение. Несколько поворотов привели ее к неприступной дубовой двери, укрепленной железными полосами. Она отделяла библиотеку от жилых помещений и всегда оставалась запертой. Вплоть до тринадцати лет Элизабет не могла открыть ее самостоятельно – ей приходилось ждать, пока библиотекарь пройдет мимо и выпустит ее. Но теперь у нее был ключ, способный отпереть дверь Великих библиотек королевства. Она носила его на шее все время, даже когда спала или принимала ванну, – этот осязаемый символ ее клятв.

Девушка подняла ключ, затем остановилась, проведя кончиками пальцев по шероховатой поверхности двери. Воспоминания промелькнули перед ней: следы когтей на столе в склепе, которые процарапали дерево, словно масло.

Нет, это казалось невозможным. Гримуары превращаются в малефикты, только если они повреждены. Этого не могло произойти посреди ночи, когда в склепе не было ни единой души, а все гримуары находились под надежной защитой. Только не тогда, когда хранители патрулируют темные коридоры, а над их головами висит огромный предупреждающий колокол Великой библиотеки.

Решив прогнать детские страхи, она проскользнула в дверь и снова заперла ее за собой. Свет в атриуме был приглушен в ночное время. Его сияние отражалось от позолоченных букв на корешках книг, поблескивало на медных поручнях, соединявших лестницы на колесиках с верхушками книжных полок. Навострив уши, Элизабет не услышала ничего необычного.

Тысячи гримуаров мирно спали вокруг нее, бархатные ленты закладок трепетали меж их страниц, пока они похрапывали. В стеклянной витрине по соседству гримуар Четвертой ступени, называющийся «Антология лорда Фьюстиана», многозначительно прокашлялся, пытаясь привлечь ее внимание. Его нужно было хвалить вслух хотя бы раз в день, иначе он мог захлопнуться, подобно моллюску, и не открываться еще много лет.

Она прокралась вперед, держа свечу повыше. Все в порядке. Пора возвращаться в постель.

И тут ее настиг он – запах, который ни с чем не спутаешь. Словно вернувшись на несколько месяцев назад, она снова стояла в читальном зале, склонившись над кожаным креслом. Ее сердце замерло и затем начало учащенно биться, оглушительно отдаваясь в ушах.

Эфирное горение. Кто-то колдовал в стенах библиотеки.

Она быстро задула свечу. Неожиданный стук заставил ее вздрогнуть. Она подождала, пока звук не повторился, на этот раз тише, почти как эхо. Теперь, догадываясь, в чем дело, она крадась вдоль книжного шкафа до тех пор, пока не показалась входная дверь библиотеки. Створки были открыты и болтались на ветру.

Где же все хранители? Она должна была увидеть хоть кого-нибудь, но библиотека казалась совершенно пустой. Похолодев от ужаса, она направилась к двери. Хотя каждая тень теперь казалась зловещей, будто протягивающей к ней по половицам длинные пальцы, Элизабет обходила лунный свет стороной, не желая быть замеченной.

Боль пронзила ее босой палец, когда она была уже на полпути к выходу из атриума. Что-то острое на полу укололо – что-то холодное и твердое, сверкнувшее в темноте.

Это был меч. И не просто какой-то меч – Демоноубийца. Гранатовый свет поблескивал на его рукояти во мраке.

Элизабет оцепенело подняла клинок. Прикоснуться к нему было для нее чем-то непозволительным. Демоноубийца никогда не покидал пояса Наставницы. Она позволила бы ему исчезнуть с ее глаз, если только...

Со сдавленным криком Элизабет бросилась к фигуре, которая лежала на полу неподалеку. Рыжие волосы прядями рассыпались в лунном свете, бледная рука распласталась на полу. Элизабет схватилась за плечо и, не обнаружив сопротивления, перевернула тело. Глаза Наставницы невидяще уставились в потолок.

Пол под Элизабет разверзся, библиотека завертелась в головокружительном водовороте. Невозможно. Это был какой-то дурной сон. В любой момент она могла проснуться в своей постели, и все стало бы как прежде. Пока Элизабет ждала, что это произойдет, секунды медленно тянулись, а желудок сжимался. Она, спотыкаясь, отошла от тела Наставницы к дверям, где ее вырвало. Когда девушка протянула руку, чтобы опереться на что-нибудь, ее ладонь скользнула по дверному косяку.

«Кровь», – машинально подумала она, но субстанция, покрывавшая ее руку, была чем-то другим – более густым и темным. Это оказалась не кровь, а чернила.

Элизабет сразу поняла, что это означало. Она вытерла руку о ночную рубашку и обеими ладонями вцепилась в рукоять Демоноубийцы, слишком сильно дрожа, чтобы удержать ее одной рукой. Девушка сделала шаг прямо в ночную темноту. Ветер налетел на нее, спутывая волосы. Поначалу она не видела ничего, кроме нескольких фонарей, все еще горевших где-то в Самерхолле. Их огни мерцали, и деревья во фруктовом саду колыхались на ветру в такт. Высокая кованая ограда окружала засыпанный гравием двор библиотеки. Пики на верхушках ее прутьев пронзали беспокойное небо, как кинжалы, однако ворота, еле державшиеся на вывороченных петлях, были распахнуты – с них капали чернила.

И тут в отдалении среди деревьев появилось какое-то движение. Лунный свет отражался от засаленной обложки. Малефикт ковылял к деревне перекатывающейся, неуклюжей походкой, словно уродливый медведь, увалисто пытающийся ходить на двух ногах. У Элизабет не

было никаких сомнений: гримуар ускользнул из склепа. Черпая колдовскую силу из начертанных на его страницах заклинаний, он превратился в жуткое чудовище из чернил и кожи.

Столкнувшись с малефиктом, Элизабет должна была предупредить ближайшего хранителя или, если это не представлялось возможным, взбежать по лестнице и позвонить в колокол Великой библиотеки. Колокол призывал хранителей к оружию, а горожан – спрятаться в укрытии под ратушей. На это у Элизабет не было времени. Если она повернет назад, чудовище доберется до Саммерсхолла прежде, чем кто-либо успеет встать с постели. Множество людей погибнет на улицах. Это будет настоящая бойня.

Officium adusque mortem. Долг до самой смерти. Элизабет тысячу раз проходила сквозь двери прямо под этой надписью. Может, она еще и не была хранителем, но никогда не смогла бы назвать себя им, если бы сейчас повернула назад. Защищать Саммерсхолл было ее обязанностью, пусть даже ценой собственной жизни.

Девушка стремительно выбежала за ворота и помчалась вниз по склону. Острый гравий сменился мягким мокрым ковром из мха и опавших листьев, намочивших подол ее ночной рубашки. Она споткнулась о корень, чуть не выронила при этом меч, однако малефикт не остановился, продолжая неуклюже двигаться в противоположном направлении.

Теперь девушка была достаточно близко, чтобы почувствовать вызывающую рвотные позывы гнилостную вонь, исходящую от него. Монстр был огромен – гораздо больше человека, с толстыми и сучковатыми конечностями, напоминающими обрубки деревьев. Парализующая волна ужаса нахлынула на Элизабет. Демоноубийца резко стал неподъемно тяжелым. Она не герой – просто девочка в ночной рубашке с мечом в руках.

«Интересно, – подумала Элизабет, – испытывала ли Наставница то же самое, когда впервые столкнулась с малефиктом? Я не должна бороться с ним».

Если бы она отвлекла его на какое-то время, создав достаточно шума, то могла бы спасти город. В конце концов, нарушать покой – то, в чем Элизабет преуспела, большую часть времени делая это, даже не прилагая усилий. Мужество вернулось к ней, освобождая застывшие от страха конечности. Она глубоко вздохнула и закричала в ночь.

Ветер разорвал ее голос в клочья, но чудовище неожиданно остановилось. Маслянистая черная кожа его шкуры покрылась рябью, словно реагируя на дуновение воздуха. После долгой паузы и раздумий оно повернулось к ней лицом.

Монстр был огромным, внешне напоминающим человека, но кривобоким, с небрежно очерченными контурами, будто ребенок сделал его из куска глины. Десятки налитых кровью глаз размером от чайной чашки до тарелки таращились с каждого дюйма его тела. Их зрачки сузились до размеров игольного ушка, и все они смотрели прямо на Элизабет. Самый опасный гримуар библиотеки вырвался на свободу. Книга Ока вернулась.

Посмотрев на девушку, чудовище заколебалось, разрываясь между ней и городом, но все же его глаза медленно повернулись в сторону Саммерсхолла. Должно быть, он не видел в ней угрозы. По сравнению со всеми людьми в городе она не стоила того, чтобы о ней беспокоиться. Элизабет должна была убедить его в обратном.

Она подняла меч и бросилась в атаку, перепрыгивая через упавшие ветки и петляя между деревьев. Громоздкая фигура Малефикта нависла над ней, заслоня лунный свет. От тошнотворного запаха перехватывало дыхание. Несколько его глаз повернулись, чтобы сфокусироваться на ней, их зрачки расширились от удивления, но это было все, что они успели увидеть, прежде чем лезвие скользнуло по ним, оставив брызжащий чернилами порез.

Рев чудовища сотряс землю. Элизабет продолжала бежать, потому что знала – нельзя смотреть в глаза этой книге. Она пронеслась через сад и присела на корточки за замшелыми развалинами старого каменного колодца, жадно глотая чистый воздух.

Почему-то спрятаться от монстра для нее было даже хуже, чем встретиться с ним лицом к лицу. Она не могла видеть, что он делает, и это позволяло ее воображению заполнить разум

самыми ужасными картинами. Однако девушка не сомневалась, что малефикт ищет ее. Хоть он и двигался крадучись, но был слишком велик, чтобы пройти между деревьями, не выдав своего присутствия. Тут и там хрустели ветки, и яблоки с глухим стуком падали на землю. Звуки постепенно приближались. Элизабет пыталась восстановить дыхание, легкие горели. Яблоко ударилось о колодец и лопнуло, забрызгав ее липкими ошметками.

«Послушница... Я найду тебя... это лишь вопрос времени...»

Шепот касался ее сознания, словно чья-то дряблая рука. Она пошатнулась, схватившись за голову.

«Будет лучше, если ты сдашься прямо сейчас...»

Коварная мысль пронеслась сквозь ее рассудок, неотразимая в своем абсолютном прагматизме. Ее миссия невыполнима. Это слишком сложно. Все, что ей нужно сделать, – это опустить меч и сдаться, и ее страдания закончатся. Книга Ока проделает все быстро.

Книга лгала.

Стиснув зубы, Элизабет подняла глаза. Малефикт остановился прямо над ней, не успев ее заметить. Его глаза вращались в глазницах, двигаясь независимо друг от друга и осматривая сад. Те, которые она успела ранить, закрылись, и из них, подобно слезам, текли ручьи чернил.

«Послушница...»

Сопrotивляться шепоту было все равно что плыть в промокшей одежде, едва держа нос и рот над поверхностью. Она заставила себя вытянуть голову и сжала пальцы вокруг рукоятки меча.

– Еще чуть-чуть, – сказала она себе. Монстр придвинулся ближе, и его желтый глаз посмотрел вниз. Когда он заметил ее, его зрачок расширился так сильно, что вся радужная оболочка стала черной.

Сейчас.

Она вонзила меч в монстра, прокалывая этот глаз. Чернила стекали по ее рукам и капали на мох. Рев малефикта сотряс ночную тишину. Неожиданно, отползая в сторону, Элизабет увидела огни, мигающие в городе у подножья холма. С каждой секундой к ним присоединялись все новые и новые, распространяясь от дома к дому, словно тлеющие угольки. Саммерсхолл просыпался. Ее план удался.

А ее собственное время истекало.

Из темноты появилась рука и подбросила девушку в воздух, как тряпичную куклу. Острая боль пронзила ее, когда плечо ударилось о ствол дерева, и она покатила по влажной траве. Элизабет ощутила медный привкус во рту, а когда села, хватая ртом воздух, все вокруг расплылось. Лямка ее ночной рубашки болталась свободно, порванная и окровавленная. Темная фигура малефикта возвышалась над ней.

Он наклонился ближе. У него была бугристая голова, но не было лица – никаких черт, кроме бесчисленных выпученных глаз.

– Ты странная девчонка. О-о-о... в тебе есть что-то... причина, по которой ты проснулась сегодня ночью, пока остальные спали...

Меч Наставницы лежал в траве. Элизабет схватила его и выставила навстречу монстру. Клинок задрожал.

– Я могу помочь тебе, – уговаривало чудовище. – Я вижу вопросы в твоей голове... Так много вопросов и так мало ответов... Но я мог бы рассказать тебе секреты – о, такие секреты, которые ты и представить себе не можешь, секреты, превосходящие твои самые странные фантазии...

Словно в водовороте, ее мысли следовали за его шепотом к какому-то темному, всепожирающему месту – туда, откуда, она знала, ее разум не вернется. Элизабет судорожно сглотнула. Ее рука нащупала ключ, висящий на груди, и девушка представила, как Наставница захлопывает гримуар, отсекая голос монстра.

– Ты лжешь, – заявила она.

Гортанный смех наполнил ее сознание. Вслепую она бросилась на него. Чудовище отшатнулось, и Демоноубийца засвистел в воздухе. Раздался треск – Книга Ока ударила по дереву, на которое Элизабет опиралась мгновение назад. Этот удар раздавил бы ее, как игрушку.

Она бежала, спотыкаясь об упавшие яблоки. Сбитая с толку, девушка чуть не врезалась в бледную фигуру, стоявшую между деревьями. Это было что-то крылатое и белое, с печальным и серьезным лицом, изъеденным временем. Ангел из мрамора.

Надежда проснулась в ней. Статуя была тайником с припасами, которые могли быть использованы хранителями или горожанами во время чрезвычайной ситуации. Она пошарила в яме под пьедесталом, пока ее пальцы не наткнулись на скользкую от дождя банку.

Голос малефикта преследовал ее.

– Я расскажу тебе, – шептал он, – правду о том, что случилось с твоей Наставницей. Ведь этот секрет ты хочешь узнать? Кто-то сделал это... кто-то выпустил меня...

Пальцы Элизабет замерли на крышке жестянки.

– Я могу сказать тебе, кто это был – один из учеников!

Воздух дрожал от движения, но Элизабет медлила. Слизкая кожа обхватила ее со всех сторон, сжимая в зловонных объятиях. Монстр оторвал девушку от земли одной рукой, поднеся так близко к своим бесчисленным глазам, что она могла видеть набухшие чернилами капилляры, протянувшиеся сквозь них темными нитями. Пальцы чудовища начали сжиматься. Элизабет почувствовала, как ребра вогнулись внутрь, а остатки воздуха из легких вырвались слабым выдохом наружу.

«Это не должно закончиться так», – подумала она, борясь с заливающей сознание темнотой. Ей предстояло стать хранительницей книг и слов. Она была их другом. Их хозяйкой. Их стражем. А в случае необходимости могла их уничтожить.

Ее рука высвободилась, и она подбросила содержимое банки в воздух. Малефикт издал мучительный вопль, когда облако соли окутало его. Хватка монстра ослабла, и Элизабет выскользнула из нее, с тошнотворным треском приземлившись возле статуи ангела. Перед глазами заплескали искры. Какое-то мгновение она не могла пошевелиться, не чувствуя рук и ног, и даже подумала, не сломала ли спину. Затем осознание вернулось к ее пальцам в виде покалывающей волны. Рукоять Демоноубийцы все еще была в ладони. Она не должна отпускать его.

Прежде чем шепот чудовища снова успел вонзиться в ее разум своими когтями, девушка перекатилась на бок и оказалась перед гигантским голубым глазом. Он покраснел и увлажнился, дрожа от боли и усилий оставаться открытым, чтобы не упустить ее из виду. Собрав последние силы, она заставила себя подняться. Элизабет занесла меч Наставницы над монстром и, вложив весь вес и всю ярость, опустила его вниз и утопила по рукоять в жирной туше чудовища.

Зрачок глаза расширился, потом сузился.

– Нет, – прохрипел малефикт. – Нет!

Чернила запузырились по краям раны. Элизабет стиснула зубы и провернула лезвие меча. Чудовище дернулось, отбросив ее в сторону. Демоноубийца застрял в его теле и оказался далеко от нее, но он больше не был ей нужен. Глаза гримуара дико дернулись, а затем замерли, закатываясь вверх, скрываясь под веками. Как будто очень быстро старея, кожа монстра начала сереть, затем трескаться и шелушиться. На глаза набежала мутная пелена. Части его тела съезжились. За долю мгновения малефикт развеялся по ветру, подняв фонтаны огненного пепла.

Элизабет вспомнила, что сказала ей Наставница в склепе. Этот гримуар был единственным в своем роде. Она отвечала за него и уничтожила его собственными руками. Девушка знала, что у нее не было выбора, и все же одна мысль крутилась в ее голове.

«Что же я наделала?»

Пепел кружился вокруг нее, словно снег. Медный звон наполнил воздух. Наконец, хоть и слишком поздно, в Великой библиотеке зазвонил колокол.

Глава пятая

– Это какое-то сумасшествие. Девочка не сделала ничего дурного, ты же знаешь, что она невиновна...

– Я не знаю этого, Мастер Харгрув, – сказал Уорден Финч. – Всего двое людей держали в руках Книгу Ока, когда она прибыла в Саммерсхолл. И теперь один из них мертв. Так ответьте мне, почему Скривнер была не в постели, когда малефикт вырвался на свободу?

Харгрув крикнул, скрывая недоверчивый смешок.

– Ты действительно считаешь, что Скривнер имеет ко всему этому какое-то отношение? Что она намеренно повредила гримуар Восьмой ступени? Это абсурд. Что вообще могло бы натолкнуть ее на такой поступок?

– Ее обнаружили не в своей постели, нарушившей все мыслимые правила и держащей в руке меч Наставницы.

– Который та оставила ей по своей же воле, черт подери! Теперь он принадлежит Скривнер!

Элизабет закрыла глаза. Она лежала под тонким колючим одеялом на незнакомой кровати. Точнее говоря, это была не кровать, а койка. Пальцы ног застыли – ступни свисали с ее края и торчали из-под одеяла. Каменная стена, к которой она лежала лицом, была ей совершенно незнакома, а ссора Финча и Харгрува казалась каким-то бредом.

– Ключи Наставницы пропали с ее связки, – прохрипел Финч, – и мы нашли их у входа в склеп. Кто-то взял их. Скривнер оставалась там одна. Библиотека была закрыта на ночь, и никто не мог попасть в нее снаружи.

– Я уверен, что есть другое объяснение. – Элизабет никогда не слышала, чтобы голос Харгрува звучал настолько огорченно, даже после того инцидента с книжной тлей. В полудреме она представляла, как он жестикулирует, как будто читает лекцию – его хрупкие старческие руки рассекали воздух, словно у дирижера.

– Мы должны все тщательно расследовать, – сказал он. – Поговорить со Скривнер и постараться объяснить с логической точки зрения то, что произошло прошлой ночью.

– Я уже послал отчет в Магистериум. Бесценный гримуар был уничтожен, и чародеи захотят привлечь кого-то к ответу. Так или иначе, они вытянут из нее правду.

Последовало долгое молчание.

– Умоляю вас подумать еще раз. – Голос Харгрува звучал приглушенно, будто он отходил назад, сдавая позиции. – Наставница доверяла Скривнер, более того – она любила девочку, а мы оба знаем, что она была далека от сантиментов. Это определенно что-то значило.

– Конечно. Это значило то, что Наставница любила не того человека, и эта ошибка стоила ей жизни. Вы уволены, Харгрув.

– Уорден Финч...

– Наставник, – поправил его Финч. – Если вы забыли свое место, Харгрув, я могу найти вам новое.

С чего это Финч называет себя Наставником?

Воспоминания захлестнули Элизабет, пока она боролась со сном. Пепел. Колокол. Хранители окружают ее с поднятыми мечами, из толпы появляется Финч и хватает ее за руку. Он тащит ее вниз и бросает в эту клетку. Она помнила ярость на его безобразном лице в свете факелов.

Еще она помнила, как что-то влажное засияло на его щеках, когда он отвернулся.

И в тот же момент она пожалела о том, что проснулась. Каждая частичка ее тела изнывала от боли. Синяки покрывали руки и спину, при каждом вздохе ребра впивались в легкие. Но осознание, пришедшее с пробуждением, было гораздо хуже этой боли.

«Он винит меня за то, что произошло». Она не ожидала славы героини, но это?.. А если теперь он – Наставник...

Покусывая щеку, Элизабет заставила себя подняться. Обнаружив, что до сих пор в ночной сорочке, покрытой засохшими чернилами и пятнами ее крови, Элизабет натянула на себя одеяло. Осмотревшись, она не увидела Харгрува, однако Финч стоял за решетчатой дверью камеры. Жестокое выражение проступало на его лице, пока он сверлил взглядом коридор. Одинокий факел горел на стене за его спиной, отбрасывая длинную пугающую тень. Элизабет попыталась вызвать в памяти события прошлой ночи. Почему его лицо было мокрым? Она не помнила, чтобы шел дождь.

И тут истина дошла до ее сознания.

– Вы любили ее. Наставницу, – произнесла она вслух.

Ее голос прозвучал не громче шороха, но Финч развернулся к ней, точно она выкрикнула в его сторону оскорбление.

– Закрой свой рот, девчонка.

– Пожалуйста, – взмолилась она. – Я тоже любила ее. Вы должны выслушать меня.

Слова полились рекой, словно внутри Элизабет прорвало плотину.

– Кто-то освободил Книгу Ока прошлой ночью. Я спустилась вниз и...

Как только она начала кое-как пересказывать события, в которых ей довелось накануне поучаствовать, рука Финча потянулась к мечу. Он сжал рукоять так сильно, что та заскрипела. Элизабет запнулась.

– Ты вечно лжешь, – произнес он. Его глаза были похожи на спинки огромных черных жуков, сияющих в свете факелов. – Вечно создаешь проблемы. После нарушения всех мыслимых правил ты ждешь, что я поверю тебе?

– Я говорю правду! – ответила она, страстно желая, чтобы он прочел это в ее глазах. – Вы можете отослать меня к чародеям, тем более что это сделал один из них.

– Скажи на милость, зачем же колдуну освобождать гримуар, зная, что его уничтожат? Те заклятья теперь потеряны. Нет ни единого шанса восстановить их, а из-за этой потери силы чародеев значительно ослабели.

Он прав. У чародеев не было причин для подобного поступка. Однако она знала, что обоняние не подвело ее. Если бы он только поверил ей...

– Что-то пошло не так прошлой ночью, – выпалила Элизабет. – Ни одного хранителя не было возле Наставницы. Я не видела никого в коридорах. Наверное, это какое-то заклинание. Вы можете проверить записи и опросить хранителей – кто-то должен был что-то заметить.

– Ложь, ложь и еще раз ложь! – Он сплюнул на пол возле решетки.

Ужас охватил Элизабет. Возникло чувство, словно она бродит в темном лесу и неожиданно понимает, что заблудилась, а никакой надежды на спасение нет. Финч никогда не поверит ей, потому что попросту не хочет. Ее виновность была лучшим подарком, о котором он когда-либо мог мечтать. Наставница любила Элизабет, а не его, и вот, наконец, у него появилась возможность отомстить ей за это.

– Ты глупа, – произнес он. – Я всегда так считал. Ирена никогда не верила мне, но я знал, что ты не стоишь тех стараний, на которые все шли ради тебя. Знал еще с тех пор, как ты была маленьким толстым младенцем, вопящим на всю библиотеку.

Ирена. Так вот как звали Наставницу? Она умерла, а Элизабет даже не знала ее имени.

– Я говорю правду, – повторила она шепотом. Ее лицо горело от унижения. – Я учуяла колдовство в библиотеке. Это был запах, похожий на жженный металл, – эфирное горение. Клянусь, это чистая правда!

Его губы изогнулись в презрительной усмешке.

– И как ты поняла, что это за запах?

– Я... прошлой весной, когда... – Элизабет оборвала себя на полуслове, чувствуя недомогание. Если она расскажет о том, как пробралась в читальный зал и разговаривала с магистром, все станет только хуже. Девушка опустила глаза и покачала головой.

– Я просто знаю это, – закончила она дрожащим голосом.

– Без сомнений, ты прочла об этом в гримуаре, – прорычал он, – который не должна была читать и забивать себе голову этими дьявольскими словами. Водишься с дьяволом, девчонка? Пробуешь себя в колдовстве – поэтому ты столько знаешь?

Она отползала все дальше и дальше на кровати до тех пор, пока ее спина не коснулась стены.

– Нет! – закричала она. Как он мог обвинять ее в этом? Элизабет принесла клятву, так же как и он. Если бы она нарушила ее, применив колдовство, ей никогда не суждено было бы стать хранителем, ей и на шаг не позволили бы приблизиться к этому месту.

– Скоро мы это узнаем. – Финч развернулся, вынимая факел из держателя на стене. – Я слышал, как Магистериум поступает с предателями. Их допросы похуже пыток. Когда они закончат с тобой, ты будешь не в состоянии даже подметать здешний пол.

Свет факела начал удаляться, забирая за собой тени.

Элизабет сбросила одеяло и кинулась к двери камеры, хватаясь за прутья решетки.

– Не смей называть меня девчонкой! – крикнула она ему вслед. – Я – воспитанница этой библиотеки!

Последовала ужасающая пауза.

– В самом деле? – спросил Финч. Его голос был полон омерзительного наслаждения.

Свет факела постепенно пропал, оставив ее в темноте. Медленно она потянулась к ключу на шее – тому, что не снимала с тех пор, как три с половиной года назад Наставница вручила его Элизабет. И нащупала только пустоту.

Там ничего не было.

Дни для Элизабет слились воедино. Казематы Великой библиотеки лежали глубоко под землей, куда не проникал и луч света. Она была совсем одна. Все, что ей оставалось, – лежать на своей койке, прислушиваясь к дракам мышей и книжной гни, и быть благодарной хотя бы за такую компанию. Без них эта мертвая оглушающая тишина, окружающая клетку, замучила бы ее своими странными видениями.

Финч больше не спускался к ней, так же, как и мастер Харгрув. Время от времени свет фонаря заливал коридор и один из хранителей проталкивал поднос с едой под дверь. Еще реже он отпирал ее и менял ведро, заменявшее ей туалет. Всегда это был один и тот же хранитель. Поначалу она попыталась задобрить его, однако тот ее не слушал. Взгляды, которые он бросал на девушку, красноречиво говорили о том, что тюремщик верил всему рассказанному про нее Уорденом Финчем. Точнее – Наставником.

«Что я предательница и убийца», – подумала она.

Отчаяние затуманило рассудок. Печаль накрывала ее непрерывным потоком. Она никогда не догадывалась, что Наставница любила ее. Уж точно не настолько, чтобы оставить ей меч – свою самую большую ценность. Элизабет изо всех сил желала повернуть время вспять, и сделать все по-другому. Наконец у нее было доказательство того, что все это время Наставница верила в нее, однако она получила его слишком поздно и слишком дорогой ценой.

Проходили дни, слезы высыхали, и Элизабет начала тщательно обдумывать то, что произошло, пытаясь собрать воедино все кусочки головоломки. Ей было сложно представить, чтобы кто-то мог застигнуть Наставницу врасплох, но все улики свидетельствовали о том, что чародей напал на нее неожиданно. Он похитил ее ключи и спустился в склеп, где и освободил Книгу Ока. Никто не помешал ему, потому что он применил заклинание. Но какое?

То, что заставило всех в библиотеке уснуть колдовским сном. Это и имела в виду Книга Ока, когда сказала ей, что она проснулась, когда все остальные спали. Обычно Катрин было очень легко разбудить, а в ту ночь даже крепкий толчок в бок не поднял ее с постели. При этом чародей хотел, чтобы Наставница единственная оставалась в сознании, и он мог забрать ее ключи...

Но для начала как он вообще попал в библиотеку? Все замки сделаны из железа – их невозможно открыть при помощи магии.

Впрочем, это неважно. Он нашел способ. А теперь Элизабет отдадут этим самым чародеям, среди которых ОН, ждущий своего часа, чтобы спрятать концы в воду. Никакая справедливость не ждала ее в Магистериуме. Только лишь смерть.

Она расхохоталась странным неприятным смехом, в котором едва узнала саму себя. Хранитель, который пришел, чтобы оставить еду, бросил на нее настороженный взгляд и протолкнул поднос под дверь.

«Он думает, что я спятила».

Когда мрак вернулся в темницу, просачиваясь из углов, словно вода, льющаяся с бортов тонущего корабля, она задумалась, не спятила ли на самом деле. Казалось, что это весь мир вокруг сошел с ума, а не она. Но если Элизабет являлась единственным человеком, кто так думал, была ли она действительно в здравом уме?

Синяки на ее руках, которые так часто блестели в свете факела, вместо фиолетового приобрели тошнотно-желтый крапчатый цвет. Неделя пролетела в мире там наверху. Дни проходили одинаково до тех пор, пока однажды железная решетка с пронзительным скрипом не поднялась, и две пары ботинок вместо одной не появились в конце длинного коридора.

Элизабет знала, что это значит. Чародеи, наконец, пришли за ней.

Глава шестая

Шум и яркий свет атаковали Элизабет со всех сторон. Она зажмурилась, оглушенная стуком подошв хранителей, марширующих вдоль холла по бокам от нее. Финч сжал ее плечо так сильно, что кости со скрипом терлись друг об друга. После такого долгого заключения под землей она чувствовала себя не человеком, а каким-то крохотным существом, вырванным из своей норы когтями ястреба, дрожащим, переполненным страхом и сбитым с толку. Платье не по размеру, такое непривычное после долгих лет, проведенных в удобной рясе, обтягивало ее ребра и развевалось вокруг лодыжек. Без сомнений, это было самое длинное платье, которое им удалось найти. Тем не менее оно на добрых пятнадцать сантиметров было короче, чем следовало.

Где-то неподалеку знакомый голос позвал ее.

– Катрин! – закричала Элизабет в ответ, срывая с непривычки голос. Она неистово заозиралась по сторонам, пока подруга не показалась в поле зрения, тщетно пытаясь проскользнуть к ней между двумя хранителями. Под ее глазами пролегли темные круги, пряди волос торчали из растрепавшейся косы.

Сердце сжалось у Элизабет в груди.

– Тебе не следует быть здесь, – прохрипела она.

– Я пыталась попасть к тебе, но хранители не пускали меня! – запыхавшись, прокричала Катрин, по всей видимости, не слыша ее. Хранитель выставил руку, пытаясь оттолкнуть девушку назад, но она проскочила под ней и продолжила свое наступление. – Потом я организовала отвлекающий маневр – мы нарядили Стефана старшим библиотекарем и заставили пробежать по архивам без штанов, но ни один из хранителей не покинул пост, и мне не удалось проскочить через них!

Даже дрожа от страха, Элизабет рассмеялась.

– Мы не сдавались, – продолжала Катрин. – Еще пару дней, и я бы придумала, как выгнать тебя, клянусь.

– Я знаю, – ответила Элизабет. Она потянулась к руке Катрин, но в этот момент Финч толкнул ее к двери. Кончики их пальцев соприкоснулись прежде, чем хранителями удалось оторвать их друг от друга, и у Элизабет появилось ужасное чувство, что это был последний раз, когда ей удалось дотронуться до Катрин.

– Я... я вернусь, – прокричала Элизабет через плечо. – Я буду писать тебе письма.

Так же, как и в свое возвращение, девушка не верила в то, что у нее будет возможность написать хоть одно письмо.

– Катрин, – сказала она, когда Финч вытолкнул ее за дверь, – не забывай меня! Пожалуйста, Катрин!

– Я не забуду. И ты не забывай меня, Элизабет...

Дверь захлопнулась перед ней. Послушница пошатнулась, стряхивая слезы с глаз. Она стояла посреди внутреннего дворика. Промокшие осенние облака заполонили небо, но солнце все еще припекало голову. Когда глаза привыкли, она увидела, что прошла через ту же дверь, через которую они с Наставницей когда-то внесли сюда Книгу Ока. Все та же надпись красовалась над входом, но теперь она напоминала ей скорее обвинение, чем клятву.

«Почему я выжила, а Наставница погибла?»

Звук копыта, загребающего гравий, отвлек ее внимание. Две необычайно крупных лошади стояли перед Элизабет, храпя в нетерпении, а позади них ожидал кучер. Изумрудные занавески свисали с окон кареты, на деревянных бортах которой были искусно вырезаны переплетающиеся тернии. Резчик приложил все свое мастерство, чтобы воспроизвести их как

можно более реалистично. Элизабет почти чувствовала уколы их жестоких шипов даже с того места, где стояла.

Тень упала на внутренний двор. Горячий ветер со свистом поднял россыпь опавших листьев с земли. В отчаянии она огляделась по сторонам, пока взгляд не упал на одну из статуй двора. Это была высокая мраморная фигура ангела с мечом, прижатым к груди. Плющ оплетал его одеяние, словно формируя естественную лестницу. Она знала по опыту, что могла бы за несколько секунд вскарабкаться на него, не обращая внимания на ободранные коленки. Если повезет, она убежала бы далеко по крышам, прежде чем чародей бросился бы ее догонять. Элизабет глубоко вдохнула и дала деру, разбрасывая гравий.

Запах жженого металла наполнил ее легкие, и звук трескающегося и крошащегося камня заполнил все вокруг. Девушка рухнула к подножью статуи. Та начала двигаться. Раздался скрежет мрамора, статуя открыла свои бесцветные глаза и подняла голову. С невозмутимым лицом она вынула меч из ножен и расправила крылья. Изумрудные искры танцевали вокруг перьев, ослепительно ярко сверкающих в утреннем свете. Затем меч опустился, указав острием на Элизабет. Безмятежное лицо ангела беспощадно уставилось на нее.

Она сделала шаг назад и обнаружила, что весь дворик ожил. Статуя человека в клобуке, стоящая в нише над ее головой, повернула скрытое тенью лицо в ее сторону. Горгульи вытянулись, вцепившись когтями в края крыши. Даже ангелы, держащие свитки над входом в библиотеку, – и те бросили на нее свои безжалостные холодные взгляды. Элизабет подавила крик. Теперь она поняла, почему Финч даже не связал ей руки – от чародея невозможно было скрыться.

Она сделала шаг назад, потом еще один, пока тень не упала на нее – это была тень мужчины. Девушка не слышала, как он вышел из кареты. Холод растекся по венам, приковав ее к месту.

– Элизабет Сквивнер, – произнес хозяин тени. – Мое имя Натаниэль Торн. Я прибыл, чтобы сопроводить вас в Брассбридж для допроса, и настоятельно не рекомендую бежать. Попытка побега станет лишь доказательством вашей вины в глазах Канцлера.

Она развернулась. Это был он. Изумрудная мантия волнами опускалась до самых пят, а ветер развеивал его темные волосы с серебристой прядью. Серые глаза были такими же пронзительными, какими она их запомнила, но даже если он и узнал ее, то не подал виду. Слабая саркастичная улыбка приподняла уголок его рта.

Девушка отшатнулась. Ну конечно. Должно быть, он и есть настоящий преступник. Зачем же еще магистру опускаться до такого незначительного дела? Злодею было бы очень удобно сделать так, чтобы она никогда не доехала до Брассбриджа, и единственный свидетель его преступления совершенно случайно исчез бы на пути в Магистериум.

– Вы напуганы, – заметил он.

Дрожь пробежала по телу, но она твердо стояла на ногах. Если не выдать своих подозрений, то, возможно, ей удастся протянуть достаточно долго, чтобы сбежать.

– Вы – колдун, – проскрипела она, чувствуя, что такого ответа будет вполне достаточно. Затем, надеясь отвлечь его, она спросила: – Кто такой канцлер?

Его глаза сузились.

– Если ты собираешься притворяться дурочкой, тебе придется придумать что-то более оригинальное.

– Я не притворяюсь. – Ее ногти впились в ладони. – Кто такой Канцлер?

– Это слово действительно ни о чем тебе не говорит?

Она потрясла головой. Он наклонился, чтобы получше рассмотреть ее, и взгляд его прозрачных глаз впился в ее лицо. Девушка ждала, что произойдет ужасное: вспышка боли, которая заставит ее во всем признаться, или что-то постороннее проникнет в ее разум, чтобы докопаться до правды. За его спиной статуи склонили головы вместе, будто обсуждая ее даль-

нейшую судьбу. Она даже слышала их шепот в звуке скрежета земли и камня. Последовала длинная пауза, однако чародей издал смешок и отвернулся. Облегчение нахлынуло на нее волной.

– Канцлер Эшкрофт – второй по важности человек во всем королевстве. На данный момент он – глава Магистериума. – Мужчина запнулся. – Ты ведь знаешь, что такое Магистериум?

– Это правительство чародеев. Меня везут именно туда.

«Если вы не убьете меня раньше».

Одетая в одно лишь потрепанное короткое платье, она никогда не чувствовала себя настолько беззащитной.

– Дорога в город займет три дня, – осмелела она, неожиданно озаренная идеей. – А у меня совсем нет вещей.

Магистр бросил взгляд на дверь.

– Ах, да. Чуть не забыл. Одну минуту.

Склонив голову, он прошептал заклинание. Слова на енохианском зашипели, прорезая воздух, словно жир на раскаленной сковородке.

Элизабет напряглась, будучи в неуверенности, как ей быть. Приготовившись к худшему, она не сразу обратила внимание на свистящий звук, донесшийся откуда-то сверху. На земле рядом с ней появилась тень, стремительно увеличиваясь в размерах. Она едва успела отскочить, как что-то рухнуло прямо с неба и с глухим звуком приземлилось на гравий у ног девушки.

Это был ее чемодан. Элизабет в изумлении посмотрела на Натаниэля и, подбежав к дорожному сундуку, стала отпирать его защелки. Внутри лежало несколько аккуратно сложенных платьев, которые она не носила с тех пор, как ей исполнилось тринадцать. Расческа, которой она так редко пользовалась. Сорочка. Чулки. Рясы ученицы там не было, но она и не ожидала ее найти. Изумрудное сияние рассеивающегося заклятия освещало содержимое чемодана.

– Почему ты так странно смотришь на меня? – спросил он.

– Вы использовали демоническое заклинание, чтобы сложить мои чулки!

Он приподнял бровь.

– Ты права, это едва ли смахивает на те злодеяния, которыми пристало заниматься чародеям. В следующий раз я не стану их складывать.

У нее не было выбора, кроме как поглубже закопаться в чемодан, чтобы не вызвать подозрений. Она надеялась на возможность самой собрать вещи. Элизабет сомневалась, что Натаниэль положил туда то, чем можно было бы вооружиться, – точно не Демоноубийцу, но хоть что-нибудь полезное могло оказаться там. Она решила порыться в нем позже, когда останется одна.

Девушка выпрямилась, и кровь отхлынула от головы. В глазах потемнело, и она пошатнулась. Заключение измотало ее.

Рука поддержала ее, ухватив за локоть.

– Будьте осторожны, мисс, – произнес мягкий голос где-то рядом.

Девушка повернулась, обнаружила рядом с собой слугу, и поняла, что, скорее всего, это кучер, которого она не заметила до этого момента. Молодой человек, одетый в старомодный костюм с педантично напудренными добела волосами. Парень был приблизительно одного возраста с Натаниэлем, весьма хилого телосложения и низкого роста – не настолько низкого, как Катрин, но все же намного ниже Элизабет. Во всех других отношениях он казался чрезвычайно незапоминающимся.

«Какой непримечательный человек», – подумала Элизабет и нахмурилась. Она никогда не думала ни о ком в таком свете. Откуда такие мысли?

Что-то странное было с этим слугой. Стараясь изо всех сил, она так и не смогла отметить в нем ничего особенного – даже цвет глаз, хотя он находился на расстоянии вытянутой руки.

– Прошу прощения, – произнес он вежливым журчащим голосом. – Могу я взять ваш багаж?

Она молча кивнула. Он наклонился поднять чемодан, и Элизабет потянулась, чтобы помочь ему. Кучер был настолько щуплым, что, казалось, может сломаться под тяжестью поклажи пополам.

– Не беспокойся о Сайласе, – отозвался Натаниэль. – Он сильнее, чем кажется.

Тон его голоса намекал на какую-то только им двоим понятную шутку.

Неужели Натаниэль насмеялся над ним? Она изучала лицо слуги, пытаясь найти в нем хоть намек на недовольство, однако ничего такого не обнаружила. Вместо этого увидела слабую улыбку. В то время как улыбка Натаниэля была ухмылкой злодея, улыбка слуги делала его похожим на святого. Элизабет поймала себя на мысли, что только сейчас заметила, как он хорош собой – почти неземной красоты, будто статуя, вылепленная искусным мастером. Она никогда не видела никого столь же прекрасного и никогда не думала, что такое возможно. Дыхание перехватывало от одного взгляда на него.

Почувствовав на себе ее внимание, слуга посмотрел вверх, и их взгляды встретились. Элизабет вскрикнула.

У него желтые глаза. Он не человек. Он...

Ее неожиданное открытие растаяло в воздухе, словно пламя погашенной свечи.

«Да, он и впрямь совсем непримечательный человек», – подумала она, наблюдая, как слуга подходит к ней.

– Могу я помочь вам подняться в экипаж, мисс? – спросил кучер.

Она кивнула и схватилась за его руку в перчатке. Девушка доверяла ему, хотя сама не знала, почему. Странное дело, Элизабет могла поклясться, что в нем было что-то...

– Натаниэль жесток к вам? – спросила она вполголоса. Послушница и представить не могла, каково это – быть слугой чародея, вынужденным наблюдать всяческое злонравие день за днем.

– Нет, мисс. Никогда. Видите ли, я необходим ему. – Помогая ей забраться в карету, он еще больше понизил голос. – Без сомнений, вы слышали о том, что чародеи продают душу дьяволу в обмен на свою силу.

Элизабет нахмурилась, однако Натаниэль заговорил прежде, чем она смогла уложить в голове слова его слуги.

– Устраивайтесь поудобнее, мисс Сквивнер. Нас ждет долгий путь. Чем быстрее мы отправимся, тем быстрее я смогу вернуться к растерзанию вдов и доведению до полусмерти стариков своей гнусной темной магией.

Она нырнула внутрь, избегая дальнейших убеждений. Внутреннее убранство кареты было таким же богатым, как и внешнее – все отделано темно-зеленым вельветом и отполированной древесиной. Элизабет никогда прежде не ездила в таком экипаже.

Девушка вжалась в угол, поджав ноги, чтобы занять как можно меньше места, и ждала Натаниэля. Сядет рядом или напротив? Возможно, он планировал повеселиться, наигравшись с ней, прежде чем убить. Она напряглась, когда карета просела под чьим-то весом. Однако дверца закрылась, оставив ее внутри в полном одиночестве.

Раздался стук копыт, и экипаж пришел в движение. Чтобы отвлечься от тошнотворного бурления в желудке, она отодвинула занавески. Заклинание Натаниэля постепенно сходило на нет. Элизабет наблюдала за тем, как ангелы спрятали мечи в ножны и вернулись в прежние позы, закрывая глаза, словно собирались уснуть. Горгульи, зевнув и моргнув, спрятали свои морды под хвосты. Лица застывали, перья складывались. Человек в капюшоне отвернулся и сложил руки в безмолвной молитве. Она выдохнула, когда последняя статуя застыла, превратив

внутренний двор в обитель безжизненного камня, словно ее обитатели никогда не двигались, не говорили и не открывали своих мраморных глаз.

Двор вскоре скрылся из виду, и ворота затворились за ними. По мере того, как они проезжали через сад и набирали скорость, Элизабет стала слышать за стеной кареты приглушенный разговор. Она осмотрела окно и отодвинула одну из защелок, надеясь подслушать что-то важное. Голос Натаниэля донесся до нее вместе со струей свежего воздуха.

– Я хочу, чтобы ты перестал призывать демонов на людях, – говорил он.

Мягкий голос слуги, еле слышный за цокотом копыт, отвечал ему:

– Я не могу сопротивляться этому, господин. Это заложено в моей природе.

– Значит, твоя природа злит меня.

– Мои искренние извинения. Вы хотите, чтобы я изменился?

– Не сейчас, – ответил Натаниэль. – Ты распугаешь лошадей, а, говоря начистоту, я не имею понятия, как управлять экипажем.

Элизабет сдвинула брови. Спугнет лошадей? О чем он вообще говорит?

– Вам следует научиться самому делать некоторые вещи, господин, – ответил слуга. – Было бы гораздо проще, если бы вы умели завязывать галстук или, к примеру, надевать мантию на правильную сторону...

– Да-да, знаю. Просто постарайся вести себя естественно при девчонке. Ей не стоит знать. – Натаниэль внезапно замолчал. – Это окно открыто?

Она отпрыгнула как раз в тот момент, когда зеленый свет взвился вокруг защелки и закрыл окно, обрывая разговор. Элизабет могла попытаться открыть ее позже, но подозревала, что задвижка останется закрытой на протяжении всего оставшегося пути.

То малое, что она успела услышать, наполнило ее страхом. Все это звучало так, будто слуга был сообщником Натаниэля в чудовищном замысле по ее убийству. Прежде чем карета остановится на ночевку, ей необходимо разработать план. Планирование всегда было сильной стороной Катрин, а не ее. Но если она провалит свой побег, то погибнет. А если погибнет, то никогда не восстановит справедливость во имя Наставницы.

В отчаянии пытаясь что-то придумать, Элизабет выглянула в окно, но увидела лишь незнакомый пейзаж: овцы, пасущиеся на холме, окруженном лесом. Она присмотрелась и заметила Великую библиотеку над верхушками деревьев, среди ферм. Ее мрачные башни вздымались над местностью, разрывая кольцо серых облаков. Она любовалась видами из этих башен всю свою жизнь, мечтая о будущем далеко отсюда. Без сомнений, девушка любовалась когда-то и этой самой дорогой, которая казалась ей теперь такой незнакомой.

Элизабет прижалась лбом к стеклу, проглотив свою боль. Так далеко от Саммерсхолла она еще не уезжала. После долгих лет мечтаний было невероятно жестоким то, что она вкусит всю полноту жизни в первый и, вероятнее всего, последний раз, будучи узницей и предателем по отношению ко всем, кого любила.

Дорога сделала поворот, и крыши Саммерсхолла скрылись за вершиной холма. Вскоре деревья сомкнулись, и Великая библиотека совсем исчезла из виду.

Глава седьмая

Карету тряхнуло, и Элизабет проснулась. Она села, морщась от боли в шее, затем замерла. Каждая клеточка ее тела была настороже. Девушка слышала только трескотню насекомых – ни стука копыт, ни гроыхания колес по дороге. Экипаж стоял. Снаружи было темно, однако сквозь щель в занавесках пробивался свет лампы. Выглянув, девушка обнаружила, что они остановились перед каменным зданием старой гостиницы.

Дверная защелка повернулась. Лихорадочно соображая, что делать, Элизабет вернулась в то положение, в котором была, когда проснулась. Сквозь ресницы она видела, как Натаниэль заглянул внутрь; его лицо казалось в темноте бледным пятном. Ветер взъерошил его волосы, а серебряная прядь поблескивала на свету.

– Надеюсь, вы не умерли, мисс Сквивнер, – сказал он.

Она не пошевелилась, едва позволяя себе дышать.

– Было бы очень неловко, если бы такое произошло, – продолжал он. – Пришлось бы пройти через всякие скучные собрания, дознание, обвинение в убийстве... Мисс Сквивнер?

Элизабет по-прежнему не двигалась.

Натаниэль тяжело вздохнул и забрался в экипаж. Ее пульс учащенно забился, когда он подошел ближе, принося с собой запах ночного воздуха и магии. То, что она собиралась сделать, было опасно. Но у нее не оставалось выбора – по крайней мере, лучшего варианта.

Как только он потянулся к ее плечу, она ожила. Чародей был без перчаток, и когда ее зубы впились в его руку, закричал. Через мгновение Элизабет уже оказалась снаружи кареты и бежала со всех ног куда глаза глядят. Огни гостиницы прыгали вверх и вниз, пока она неслась по направлению к дороге, однако исчезли из виду, когда девушка скользнула вниз по насыпи на противоположной стороне и через одну ужасающую секунду, кувыркаясь по камням, увидела перед собой только темноту. В следующий момент она с плеском ударилась о дно. Вода, наполненная зловонием грязи и гниющих растений, залила ее чулки. Элизабет упала в канаву.

По ту сторону виднелась мрачная путаница ветвей – это были заросли. Она нырнула в грязь и бросилась в том направлении. Ветки хлестали по лицу, листья цеплялись за волосы. Сердце Элизабет сжалось, когда что-то схватило ее за плечо, однако, это была всего лишь еще одна ветка, потревоженная ее движением. Она почти ожидала, что деревья вокруг нее оживут, а их корни змеями вылезут из земли и обовьются вокруг ее лодыжек. Но погони не было. Никаких признаков жизни поблизости.

Если в этих лесах и водилась живность – птицы или белки, то все они умолкли, оставив ее наедине со звуком собственного хриплого дыхания и ломающихся веток кустарника. Поначалу ночная тишина не беспокоила ее. Внезапно Элизабет посетила мысль: куда пропали сверчки?

Она выскочила на поляну и остановилась. Слуга Натаниэля, Сайлас, стоял перед ней. Его руки были сложены за спиной, а на губах играла легкая извиняющаяся улыбка. Ни одна белая прядь не выбилась из-под ленты, стягивавшей его волосы. Он был так бледен, что на фоне деревьев казался призраком.

Ужас сдавил ей горло своими удушающими пальцами.

– Как вы попали сюда? – пронзил темноту ее голос.

Она должна была заметить, как Сайлас преследует ее, по крайней мере, услышать. Создавалось впечатление, что он возник из воздуха.

– У всех хороших слуг есть свои секреты, – ответил мужчина, – которые лучше не раскрывать, чтобы не испортить иллюзию, столь дорогую хозяину и его гостям. – Прошу вас. – Он протянул ей руку в перчатке. – На улице холодно и темно, а в гостинице вас ждет теплая постель.

Это звучало резонно. Элизабет вдруг почувствовала себя глупо из-за того, что побежала прямо в лесные заросли в такой час. Она даже не могла вспомнить, зачем сделала это. Девушка шагнула к нему, но остановилась и огляделась. Почему так хочется доверять Сайласу? Она ведь совсем не знала его, и он собирался помочь Натаниэлю...

– Пожалуйста, мисс, – тихо сказал слуга. – Вам лучше пройти со мной. Ужасные твари бродят во мраке, пока мир людей спит. Я не хочу, чтобы они причинили вам вред.

Беспокойство и печаль превратили его черты в ангельские, почти рассеяв ее страхи. Никто, столь прекрасный, столь полный печали, не мог беспокоиться о ней более искренне, чем он. Элизабет шагнула вперед, словно загипнотизированная.

– Какие, например, ужасные твари? – прошептала она.

Безо всяких усилий Сайлас поднял ее на руки.

– Вам лучше не знать об этом, – пробормотал он так тихо, что она еле расслышала.

Элизабет бросила на него удивленный взгляд. Луна сияла серебряным светом над головой, черные ветви сплетались под ней, как ладони, сложенные в молитвенном жесте. Сайлас выглядел так, словно сам был соткан из лунного света. Он пронес ее между молчаливыми деревьями, обогнув канаву, и перешел через дорогу обратно.

Когда они добрались до двора гостиницы, мальчик уже вел лошадей Натаниэля к конюшне. Ближайшая к ним направила уши и раздула ноздри. Пронзительное ржание разорвало ночь.

Чувство покоя сразу же покинуло Элизабет, словно тяжелое одеяло, сброшенное с тела в холодную ночь. У нее перехватило дыхание.

– Поставьте меня! – закричала она, вырываясь из рук Сайласа.

Что сейчас произошло? Она пыталась бежать, но как могла так испачкаться? Вряд ли удалось уйти далеко, прежде чем Сайлас поймал ее. В последнем воспоминании была дорога, а после этого... должно быть, она ударилась головой.

Натаниэль выпрыгнул из экипажа.

– Боже, она укусила меня! – потрясенно сказал он Сайласу. – Кажется, прокусила кожу.

Элизабет всей душой надеялась на это.

– Вот вам за то, что пьете сиротскую кровь! – закричала она.

Конюх остановился и уставился на него. Неожиданно Натаниэль рассмеялся.

– Так ты невыносимая задира, – заметил он. – Полагаю, это моя вина: решил, что ты не представляешь угрозы.

Он тряхнул рукой.

– Клянусь силами Потустороннего мира, это было больно! Мне повезет, если я ничем не заражусь. Сайлас? Убедись, что в ее комнате есть замок, да какой-нибудь покрепче.

Элизабет перестала сопротивляться, когда слуга понес ее к дверям гостиницы. Он действительно был сильнее, чем казался, а ей стоило беречь свою энергию, которая быстро иссякала – гораздо быстрее, чем она ожидала, даже после заключения в подземелье. Натаниэль наблюдал за ней, однако она не могла разглядеть выражение его лица в темноте.

Сайлас поставил ее на ноги в самых дверях гостиницы. К облегчению девушки, внутри кипела жизнь. Чернильные Пути были самыми оживленными дорогами во всем Аустермере, их содержало Духовенство и использовало огромное количество путешественников. Свет лампы отражался от покрытых побелкой стен, на которых тени посетителей потягивались, тряслись от смеха и поднимали бокалы. В животе заурчало от запаха жареных приправленных специями жирных сосисок. От голода у Элизабет закружилась голова.

Мимо торопливо прошла горничная, но даже не взглянула в их сторону. Никто в шумной гостинице, казалось, не заметил Элизабет, маячившую там и капающую грязью на ковер, и Сайласа, молча стоявшего рядом с ней.

Прежде чем она успела позвать на помощь, Сайлас повел ее к лестнице.

– Сюда. Наши комнаты были заказаны заранее. – Он положил руку ей на спину, когда она оступилась. – Будьте осторожны. Боюсь, господин Торн не простит мне, если я позволю вам упасть.

У нее не оставалось выбора, кроме как подчиниться. Ее голова была словно набита ватой. Шум толпы в гостинице – радостные крики, смех, звон столовых приборов – стучал в ее висках, словно второй пульс. Поднявшись наверх, Сайлас повел ее по коридору к самой дальней двери. Когда он отпирал ее, девушка заметила, что на нем те же белые перчатки, что были утром. Странно, что на них не появилось ни пятнышка грязи, хотя он провел весь день, управляя экипажем.

– Подожди минуту, – сказала она, когда он повернулся, чтобы уйти. – Сайлас, я...

Он остановился.

– Слушаю?

В голове у Элизабет застучало. Она забыла что-то важное – то, что ей нужно было узнать.

– Какого цвета у тебя глаза? – спросила она.

– Карие, мисс, – тихо ответил слуга, и ей было этого достаточно.

За спиной щелкнул замок, и стук в голове сразу же прекратился. Комната оказалась маленькой и теплой, с потрескивающим камином и плетеным ковриком, яркие узоры которого создали болезненное воспоминание об одеяле на ее кровати в том месте, которое она считала домом. Первым делом Элизабет проверила окно и обнаружила, что оно не открывается. Затем дернула дверную ручку – безуспешно. Временно лишившись выбора, она стянула платье и промокшие чулки и разложила их сушиться на горячих камнях очага. Несмотря на то, что в комнате было тепло, ее пробрала дрожь.

Элизабет приводила себя в чувство, пытаясь решить, что делать дальше, когда в углу комнаты вспыхнул зеленый свет. Она вскочила, схватила кочергу из камина и бросила ее в ту сторону. Кочерга отскочила с глухим стуком. В углу материализовался не Натаниэль, а ее чемодан, на котором теперь появилась новая вмятина.

Забыв об усталости, девушка бросилась к нему и распахнула, роясь в поисках чего-нибудь полезного. Платья и чулки разлетелись по комнате, расческа скользнула под кровать. Элизабет прорыла вещи практически до самого дна и почти смирилась с тем, что дело проиграно, когда, вместо того чтобы раскопать еще один слой льняной или хлопчатобумажной ткани, кончики ее пальцев коснулись кожи.

Это была теплая кожа, наполненная жизнью.

Дрожь пробежала по телу. Она осторожно подняла предмет со дна сундука – это был необычайно толстый и тяжелый гримуар в глянцевого бордового переплете. Позолоченные буквы на его корешке гласили: «Лексикон колдовских искусств». Не колеблясь, она прижалась носом к страницам и глубоко вдохнула. Края старой бумаги были мягкими, как бархат, и пахли чем-то теплым и сладким, похожим на заварной крем.

– Как ты попал сюда? – спросила она, уверенная в дружелюбии гримуара, – злые книги, как правило, издавали затхлый или кислый запах. – Ты так же далеко от дома, как и я.

Страницы «Лексикона» зашептались, словно пытаясь ответить ей. Она перевернула книгу и обнаружила на ней римскую цифру I, напечатанную на задней стороне обложки. Гримуары Первой ступени обычно представляли собой справочники или сборники и не могли разговаривать с людьми напрямую, как, например, гримуары Седьмой ступени и выше, или даже издавать звуки, что могло делать большинство колдовских книг, начиная со Второй ступени.

Обложка подтолкнула ее руку. Озадаченная, она отпустила ее, и клочок бумаги выскользнул из страниц. Нахмурившись, она подняла его.

«Элизабет, – было написано в записке знакомым неразборчивым почерком, – если ты нашла это, значит, я была права, и чародей заколдовал твой чемодан. Я спрятала этот гримуар внутри на случай, если он поможет

тебе подготовиться к тому, что ждет впереди. Никогда не забывай, что знание – твое величайшее оружие. Чем больше ты знаешь, тем лучше. А чем толще книга, тем сильнее ты сможешь ударить ею чародея по голове и обеспечить ему сотрясение мозга. Вот почему я выбрала такой большой гримуар.

Я бы посоветовала тебе оставаться храброй, но в этом нет необходимости. Ты – самый храбрый человек, которого я знаю. Обещаю, мы еще увидимся.

К.

P.S.: Не спрашивай, как мне удалось вынести гримуар за пределы библиотеки. Меня не поймали, и это самое главное».

Глаза Элизабет наполнились слезами. В устах Катрин это звучало как пустяк, однако она могла потерять свое место в библиотеке, если бы ее уличили в краже гримуара. Она многим рисковала, чтобы вынести его за пределы хранилища. Без сомнения, Катрин знала, как сильно это поддержит Элизабет, если с ней всегда будет частичка дома.

Девушка задумчиво пробежалась пальцами по обложке «Лексикона», гадая, с чего бы начала подруга. Без сомнений, внутри было то, что могло поведать ей о самом Натаниэле, а чем больше она будет знать о нем, тем лучше сможет подготовиться к его возвращению.

Она подняла гримуар.

– Открой, пожалуйста, раздел про магистров, – попросила она. Элизабет считала разумным всегда быть вежливой с книгами, независимо от того, слышат они тебя или нет.

«Лексикон» раскрылся у нее в руках, и золотое сияние вспыхнуло на страницах, заливая лицо ярким светом. Страницы трепетали, словно от дуновения ветерка. Они двигались все быстрее и быстрее, пока не достигли середины книги, затем остановились и грациозно раскрылись в стороны. Красная бархатная лента скользнула меж страниц, отмечая закладку. Свечение превратилось в слабое сияние, похожее на отблеск свечей на полированной бронзе.

«Дома магистров Королевства Аустермер» – гласил заголовок в самом верху страницы. Далее следовало:

«Из всех чародейских семей ни одна не обладает таким могуществом, как те, что произошли от великих чародеев, удостоенных титула “Магистр” королем Альфредом в Золотой Век Магии в награду за чудесные подвиги, которые они совершили ради короны. Именно эти первые магистры в начале шестнадцатого века основали Магистериум. Организация, которая брала свои истоки как закрытое оккультное общество, позже превратилась в руководящий совет, который каждые тринадцать лет избирает Канцлера...»

Элизабет перескакивала с одного абзаца на другой, пока не заметила знакомое имя.

«Дом Эшкрофтов, прославившийся благодаря Корнелиусу Эшкрофту, также известному как Корнелиус Мудрый, славится своим участием в строительстве ряда зданий и сооружений, которые сформировали ландшафт современного Аустермера. Корнелиус Эшкрофт проложил Чернильные Пути и перевез тысячи тонн известняка для возведения Великих библиотек в 1523 году, в то время как его преемник Корнелиус II за один день поднял знаменитый Мост Святых в Брассбридже из вод Сумрачной Реки.

Между тем Дом Торнов известен самой темной магией – некромантией, при помощи которой основатель этого дома, Бальтазар Торн, отразил вторжение Покорителей земель в 1510 году, используя армии мертвых воителей, поднятых из могил для битвы во имя короля Альфреда. Хотя некромантия запрещена Реформами 1672 года, существуют допущения на ее использование в военное время. Именно могуществу Дома Торна приписывают независимость королевства от соседей, которые не угрожали Аустермерийской земле со времен Войны Костей».

Она перестала читать. По коже побежали мурашки. В детстве ей снились кошмары о Войне Костей, и казалось совершенно невероятным, что все эти ужасы – дело рук одного человека, предка Натаниэля. Она оказалась в еще большей опасности, чем предполагала.

Гримуар зашевелился под ее руками. Без предупреждения он перешел в другой раздел. Она успела прочитать заголовок «Демонические слуги и их призыв», прежде чем раздался стук в дверь. Элизабет замерла, охваченная желанием притвориться, что ее здесь нет. Медленно, осторожно она закрыла гримуар и отложила его в сторону.

– Я знаю, что вы проснулись, мисс Сквивнер, – произнес Натаниэль через дверь. – Слышал, как ты разговаривала сама с собой.

Элизабет закусила губу. Если она не ответит, он может силой ворваться в комнату.

– Я разговаривала с книгой, – ответила девушка.

– Почему-то меня это нисколько не удивляет. Я принес ужин, но тебе придется пообещать не кусать меня и не бросаться чем бы то ни было, если уж на то пошло. – Она взглянула на кочергу. – Да, мы слышали тебя снизу. Владелец заставил меня оставить дополнительный депозит. Я почти уверен, он думает, что ты здесь пробиваешь дыры в стенах.

Он помолчал.

– Ведь это не так? Потому что боюсь, ты не сможешь пробиться на свободу до самого утра, как бы ни старалась.

Уклончивое молчание казалось Элизабет лучшим ответом, но в этот момент собственное тело предало ее. Желудок с громким урчанием скрутило от голода. Она едва могла думать о чем-либо, кроме запаха сосисок, доносившегося из-за двери. Зачем Натаниэль принес ей ужин? Возможно, отравил еду? Скорее всего, он пытался внушить ей ложное чувство безопасности до того, как они доберутся до какого-нибудь укромного места, где тот сможет убить ее и избавиться от тела. Не имело смысла делать это в гостинице, в окружении потенциальных свидетелей. На самом деле, он практически признался в этом в карете.

Лучше принять пищу и поддержать свои силы, чем оголодать и ослабеть настолько, чтобы упустить последнюю возможность сбежать.

– Одну минуту, – сказала Элизабет, подкрадываясь к двери. Она осторожно потрогала дверную ручку. Дверь была не заперта. Девушка рывком распахнула ее во внезапном порыве храбрости, но тут же захлопнула перед носом Натаниэля – слишком поздно вспомнила, что на ней была только ночная сорочка.

– Я выгляжу неприлично, – объяснила Элизабет, прижимая руки к груди.

– Все в порядке, – ответил он. – Я и сам часто так выгляжу.

На долю секунды она представила его, стоящего в коридоре. На нем была белая рубашка с открытым воротом и закатанными до локтей рукавами. В свете канделябров был виден длинный страшный шрам, пересекавший левое предплечье. Поездка длиной в день заставила его щеки покрыться румянцем, а губы – раскраснеться, что придавало ему поразительно развратный вид, который только усиливался взъерошенными волосами и циничным пронизательным взглядом. Эффект был таким впечатляющим, что она почти не заметила поднос в его руках.

Нет, Натаниэль совсем не выглядел прилично. Что он сам успел рассмотреть? Эти серые глаза, казалось, ничего не упустили из виду.

Через мгновение послышался вздох.

– Поставлю поднос на пол. Ты сможешь забрать его, когда я уйду. И не пытайся бежать – Сайлас охраняет лестницу. Когда закончишь, дверь сама закроется с помощью магии.

Звон столового серебра и посуды последовал в подтверждение его слов. Она подождала, пока не услышала звук удаляющихся шагов, и снова приоткрыла дверь. Через узкую щель осмотрела поднос, нагруженный черным хлебом и сыром с травами. И рядом – сосиски, которые совсем не выглядели отравленными. Элизабет присела на корточки и распахнула дверь пошире.

Натаниэль почти дошел до конца коридора. Наблюдая за ним, она разглядела след укуса на его правой руке – доказательство того, что чародей может пострадать так же, как и обычный человек. Он мог убить Наставницу, но все же не был неуязвимым. Пока Элизабет жива, у нее имелся шанс.

Она собралась с духом.

– Натаниэль, – окликнула она.

Он замедлил шаг и остановился, склонив голову в ожидании.

– Я... – Она сглотнула, когда ее голос сорвался, и попыталась выдать из себя слова еще раз: – Прости, что укусила тебя.

Он обернулся. Его взгляд скользнул по ней, попутно оценивая то, как она протянула руку и ухватила за край подноса, словно кто-то хотел вырвать его у нее из рук. Взгляд задержался на уже исчезающих синяках, которые покрывали ее руки после битвы с малефиктом. В этот момент она почувствовала дискомфорт и ощущение, будто ее вывернули наизнанку и проверяют, словно пустой карман.

– Ты действительно сожалеешь? – спросил он наконец.

Она неубедительно кивнула.

– Я вижу, у тебя совсем не было времени попрактиковаться во вранье, – произнес Натаниэль, все еще разглядывая ее. – У тебя ужасно получается. Даже если бы это было иначе, то такая тактика не работает со мной.

– Какая тактика?

– Ты притворяешься кроткой и послушной в надежде, что я ослаблю бдительность и дам тебе возможность для побега. Ты уже доказала, что несешь с собой один хаос – я этого не забуду. Хочешь сказать еще что-то, прежде чем уйду?

Щеки Элизабет запылали. Края подноса впились ей в пальцы. С ее стороны было глупо думать, что она может обмануть его, но если он готов отвечать на вопросы, то, по крайней мере, девушка сможет узнать о нем больше.

– Сколько тебе лет? – спросила она.

– Восемнадцать.

Элизабет удивленно осела.

– Неужели?

– Я не приносил в жертву девственниц ради своих идеальных скульптур, если ты это имеешь в виду. У невинных девиц, как правило, меньше магических свойств, чем все привыкли думать. Элизабет старалась не показывать, какое облегчение она испытала, услышав эти слова.

– Просто ты слишком молод для магистра, – осмелела она.

Его лицо стало непроницаемым, а затем он улыбнулся так, что у нее по спине пробежал холодок.

– Объяснение очень простое. Все, кто стоял между мной и титулом магистра, мертвы. Это удовлетворило ваше любопытство, мисс Сквивнер?

Внезапно она обнаружила, что не хочет знать больше, в особенности о том, что в его прошлом могло наложить на него такой отпечаток; что глаза стали словно вырезанными из льда, а сердце превратилось в камень. Элизабет больше не хотела видеть лицо человека, хладнокровно убившего Наставницу. Опустив взгляд, она кивнула.

Натаниэль сделал шаг, чтобы уйти, но внезапно остановился.

– Прежде чем уйду, могу я, в свою очередь, спросить у тебя кое-что?

Уставившись на свой ужин, она ждала вопроса.

– Зачем ты схватила меня за волосы в тот день в Саммерсхолле? – спросил он. – Я знаю, что ты сделала это не случайно, но, как ни ломал голову, не смог найти разумное объяснение.

Ее желудок отпустило от облегчения. Она думала, он спросит о чем-то действительно ужасном.

«Значит, он все-таки помнит меня по читальному залу», – подумала Элизабет.

– Я хотела узнать, остроконечные ли у тебя уши, – пробормотала она.

Он помолчал, обдумывая ее ответ.

– Понимаю, – сказал чародей с серьезным выражением лица. – Спокойной ночи, мисс Сквивнер. – И завернул за угол.

Элизабет, не теряя времени, втащила поднос внутрь. Она была так голодна, что накинулась на свой ужин прямо на полу, пожирая его руками. За жадным чавканьем она не услышала, как кто-то в гостинице громко рассмеялся.

Глава восьмая

За окнами кареты проносились пейзажи равнины Аустермера. Они проезжали мимо ферм, диких цветочных лугов и лесистых холмов, окрашенных всеми оттенками осени. Туман заполнил овраги и временами протягивал свои длинные пальцы через дорогу. Когда полуденные тени легли на землю, карета въехала в Блэквальд – огромный лес, который, подобно лезвию ножа, рассекал все королевство. Вокруг были лишь тьма и сырость. То тут, то там над мелко-лесьем возвышались безобразные белые стволы берез, словно духи среди черных похоронных одеяний. Уставившись из окна кареты на мягко падающие листья, толстые ковры папоротников и случайного оленя, убегающего в лесную глушь, Элизабет почувствовала, как ее охватывает жуткий страх, будто лесной туман просачивался внутрь кареты и окружал со всех сторон.

Натаниэль попытается убить ее именно здесь, она была уверена в этом. Когда он доберется до города без нее, то убедит всех в том, что пленница сбежала и скрылась в лесной чаще. В таком месте, как это, никогда не найдут тело мертвой девушки – никто даже не попытается этого сделать.

Побег казался ей все более невозможным. Она предприняла еще одну попытку прошлой ночью, но, когда разбила окно и спустилась с крыши по стене, Сайлас подждал ее в саду. Станным было то, что больше она ничего не помнила. Должно быть, усталость измотала ее. После этого Элизабет посетил тревожный сон – она вернулась в сады Саммерсхолла и откапывала банку с солью у подножья статуи ангела. Но во сне изваяние ожило и посмотрело на нее своими ярко-желтыми глазами.

Толчок под руку отвлек ее от мыслей. Нахмурившись, она оторвала взгляд от леса и посмотрела на гримуар, лежащий на коленях. Уже в третий раз он подталкивал ее ладонь, подобно собачке, пытающейся обратить на себя внимание.

– Что такое? – спросила она, и книга еще настойчивее ткнулась в руку. Элизабет подняла ее, и гримуар в нетерпении раскрылся, перелистывая свои страницы.

Он остановился на том же месте, что и прошлой ночью, – на главе с названием «Демонические слуги и их призыв». Элизабет вздрогнула. Иллюстрации из книги проносились в ее сознании. Она видела изображения пентаграмм и истекающих кровью девушек, принесенных в жертву, страшных рогатых бесов с хвостами, пирующих чьими-то внутренностями, словно это были связки сосисок. Набравшись храбрости, она склонилась над страницами.

«Крайне мало известно о демонах даже в пределах колдовских сообществ, – гласил текст под заголовком, – в силу того, какую опасность представляет контакт с ними. Демоны пользуются дурной славой предателей, которые ухватятся за любую возможность обмануть своего хозяина. Даже одна-единственная сделка с демоном – это огромный риск, потому как в наилучших интересах его – увидеть хозяина мертвым. Это даст возможность заключить сделку с новым господином и пополнить число душ, которые он получает в качестве оплаты.

Демоны населяют мир, известный как Потусторонний – реальность, существующую параллельно с нашей, которая является источником всей магической энергии. Без связи, установленной посредством сделки с демоном, человек не может черпать энергию из Потустороннего мира. Поэтому само существование магии неразрывно связано с призывом и служением демонов – досадное, но необходимое зло. Страстное желание заполучить человеческую жизнь – это благословение и проклятие одновременно, и именно по этой причине демоны стремятся взаимодействовать с людьми...»

Возможно, это и была слабость Натаниэля? Элизабет пыталась ухватиться за эту мысль. Голова была мутная, будто она провела за чтением уже несколько часов, а не пару секунд. Гримуар снова подтолкнул ее руку, и девушка обнаружила, что уставилась в пустое пространство. Приведя саму себя в сознание, она потеряла глаза и продолжила читать.

«Потусторонний мир кишит ордами нечисти низшего ранга: чертями, бесами, гоблинами и прочими, которых не так сложно призвать. Тем не менее это весьма ненадежные слуги в силу того, что они едва умнее обычных чудовищ. Призыв низших демонов является излюбленным делом преступников и неопытных дилетантов, поэтому был запрещен Реформами. Истинные чародеи призывают на службу только высшую нечисть, которая, несмотря на всю свою опасность, может быть привязана к самим условиям их призыва и в связи с этим вынуждена подчиняться приказам своего господина».

– А где же, черт возьми, демон Натаниэля? – пробормотала Элизабет. Было очень странно, что он путешествовал без него. Она чувствовала, что близка к разгадке, однако прозрение ускользало от нее, словно просыпавшийся песок, оставляя за собой лишь дребезжащий шум в ушах.

«Существуют более поздние теории касаясь демонов и Потустороннего мира, – продолжала книга на следующей странице, – однако большинство источников не вызывают доверия либо уличены в искажении информации, поэтому были списаны со счетов современными магическими сообществами. Самый печально известный пример – «Дьявольский кодекс» Алдуса Прендергаста, написанный в 1513 году и когда-то весьма почитаемый, однако в настоящее время воспринимаемый не более серьезно, чем бред сумасшедшего. Прендергаст был признан умалишенным по заявлению собственного друга Корнелиуса Мудрого. Причиной тому стали его утверждения о том, что ему удалось проникнуть в Потусторонний мир и открыть ужасную тайну, которую он спрятал в манускрипте в форме шифра...»

– Мисс Сквивнер?

Элизабет подскочила и захлопнула гримуар. Она так сосредоточилась на чтении, что не заметила, как карета остановилась.

– Мы заночуем здесь, – продолжал Натаниэль, открывая дверь кареты. – Не стоит нам путешествовать по этому лесу после наступления темноты.

Он наблюдал, как она отложила книгу, однако не произнес ни слова.

Как только Сайлас помог ей выйти из экипажа, она напряглась. Карета съехала с дороги и остановилась на опушке леса. Высоко вверху сияли звезды, и темные недремлющие деревья сомкнулись вокруг них, пронизанные туманом. Вокруг не было ни намека на цивилизацию, ни одной гостиницы не виднелось поблизости.

Это, должно быть, то самое место. Элизабет сжала кулаки, когда Натаниэль подошел, озираясь вокруг будто в поисках чего-то. Например, места, где он мог бы закопать ее тело? Она бросила взгляд через плечо и обнаружила, что Сайлас стоит у нее за спиной. Несмотря на то, что он вежливо опустил глаза, девушка чувствовала на себе тяжесть его внимания.

– В Блэквальде совсем нет построек, – сказал он, будто прочитав ее мысли. – Болотные люди не очень рады вторжениям на свою территорию. Хоть их осталось очень немного, они могут быть весьма опасны, если застать их не в настроении.

У Элизабет перехватило дыхание. Она читала истории про болотный народ и всегда надеялась увидеть их воочию, но мастер Харгрук уверил ее в том, что все духи леса давно мертвы, если они вообще когда-либо существовали.

– Не позволяй Сайласу тебя напугать, – встрял Натаниэль. – Пока мы не тревожим место, в котором остановились, и держимся подальше от деревьев, они нас не побеспокоят.

Он сделал паузу и посмотрел вниз, а затем встал на колени и положил ладони на землю. Она увидела, как его губы зашевелились в темноте, и почувствовала магию, парящую в воздухе. Заклинание было вовсе не тем, чего она ожидала. Изумрудный свет рассыпался вокруг чародея и преобразовался в две палатки со спальниками и двумя дорожками из зеленого шелка по бокам. Натаниэль остановился, чтобы полюбоваться на свою работу, после чего указал на дальнюю палатку.

– Это для тебя.

Она оцепенела от удивления.

– У меня будет личная палатка?

Он огляделся и приподнял бровь. Серебристая прядь волос упала ему на лоб.

– Ты предпочла бы ночевать в одной палатке со мной? Не ожидал от тебя такого, Скривнер, хотя, насколько мне известно, некоторые особи кусают друг друга, прежде чем перейти к ухаживаниям.

Ее щеки запылали румянцем.

– Я имела в виду другое.

Он пристально уставился на нее. Спустя мгновение его ухмылка исчезла.

– Да, я даю тебе собственную палатку. Просто помни, что я говорил тебе о побеге. Сайлас будет дежурить всю ночь, и уверяю тебя, он посерьезнее запертой двери.

Если он собирался убить ее, зачем тогда давать ей палатку? Это, должно быть, какой-то хитрый трюк. Забравшись внутрь, девушка долго не могла уснуть и напряженно слушала, что происходит за пределами ее убежища. Элизабет даже не сняла обувь. Проходили часы, а костер все еще трещал, и приглушенный звук голосов Натаниэля и Сайласа доносился сквозь полог палатки. Она не могла разобрать ни слова, однако само течение разговора больше напоминало беседу двух старых друзей, а не слуги и его господина. Время от времени Натаниэль произносил какую-то фразу, на которую Сайлас реагировал мягким смехом.

Наконец разговор утих. Она выждала час или дольше – достаточно долго, чтобы янтарный огонь костра превратился в тусклое красное свечение, видневшееся сквозь палаточную ткань. После чего, не в состоянии ждать ни минуты больше, девушка выкарабкалась из спального мешка и просунула голову через вырез в палатке. Воздух был наполнен ароматами сосен и дыма. Сверчки распевали в ночи своими серебристыми голосами. Сайласа не было поблизости. Низко пригнувшись, Элизабет вышла из палатки. И тут же остановилась.

– Решила выйти на вечернюю прогулку, Скривнер?

Натаниэль не спал. Он сидел на бревне на краю поляны, уперев сложенные ладони в подбородок и любуясь лесом. Тлеющие угли позади него отбрасывали тень на лицо. Чародей не повернулся к ней, но девушка знала, что он применит к ней магию в ту же секунду, как она попытается скрыться.

У нее был выбор: либо бежать от судьбы, либо встретить ее лицом к лицу. Спустя мгновение нерешительности Элизабет сделала его, направившись к чародею через поляну, поросшую дикими цветами, с ощущением, что застряла в каком-то странном сне.

– Ты совсем не спишь? – спросила она, подходя ближе.

– Очень мало, – ответил Натаниэль. – Но это лишь моя особенность, а не чародеев в целом.

Отвечая ей, он не отрывал взгляда от деревьев. Она проследила за ним и застыла.

В лунном свете сквозь заросли папоротника и бледных тонких берез двигалась фигура. Дух леса. Сутулясь, он собирал что-то с земли. С головы существа свисали покрытые мхом волосы, а на лбу красовалась пара рогов. Белая кожа потрескалась словно березовая кора, а длинные корявые руки свисали до самых колен, заканчиваясь узловатыми тонкими когтями. Холодок пробежал по телу Элизабет. Медленно и осторожно она сделала шаг и присела на другой конец бревна.

Натаниэль смерил ее взглядом.

– Ты же не боишься его, – сказал он то ли спрашивая, то ли утверждая.

Она покачала головой, не в силах оторвать взгляд от леса.

– Я всегда хотела увидеть болотного человека. Знала, что они существуют, хотя все убеждали меня в обратном.

Огонь за спиной Натаниэля подчеркивал линии подбородка и скул, но глаза его оставались в тени.

– Большинство людей выросло на сказках, – произнес он. – Почему же ты продолжала верить даже тогда, когда весь мир перестал?

Она не знала, что ответить. Для нее в этом вопросе не было смысла.

– Какой смысл в жизни, если ты ни во что не веришь? – спросила она в ответ.

Он бросил на нее долгий пристальный взгляд; она не смогла разгадать это выражение лица. Элизабет мучилась вопросом, почему чародей сидит здесь в полном одиночестве так долго, наблюдая за духом леса.

Движение отвлекло ее. Пока они разговаривали, существо подняло что-то маленькое – это был желудь, – чтобы изучить его в свете луны. Именно их болотный человек и подбирал с земли; без сомнения, он нашел уже целое множество, однако, что-то особенное было в этом желуде. Используя свои корявые когти, он разгреб листья и проковырял небольшую ямку в земле. Сделав это, бережно опустил туда желудь и снова присыпал листвой. Грустный вздох всколыхнул деревья, обернувшись дуновением ветра из самого сердца леса, который прошел мимо Элизабет, взлохматив ее волосы.

В сказках говорилось, что болотный народ считался хранителем леса. Они заботились о деревьях и зверях, приглядывая за ними с момента рождения до самой смерти. У них была собственная магия.

– Почему их осталось так мало? – спросила Элизабет, тронутая печалью, которую не могла объяснить.

На долю секунды она подумала, что Натаниэль не ответит ей. Но он сказал:

– Ты наверняка слышала о моем предке, Бальтазаре Торне?

Она кивнула, надеясь, что в тусклом свете углей не видно мурашек, которыми покрылась ее кожа. Прогоревшие дрова взрывались и трещали.

– В начале шестнадцатого века лес Блэквальд покрывал половину Аустермера. Дикое место, власть над которыми была в руках природы, а не человека.

– Теперь это в прошлом, – продолжила она. – Что же он сделал?

– Во время Войны Костей он провел особый ритуал некромантии. Чтобы подарить кому-то жизнь или хотя бы подобие жизни, ее нужно у кого-то забрать. Это похоже на покупку. Неудивительно, что воскрешение тысяч солдат потребовало больших жертв. Сама земля отдала их. Его магия за одну ночь унесла жизни более половины Блэквальда. Болотный народ привязан к своей земле, и те, кому удалось выжить, были поражены болезнями. – Натаниэль сделал паузу и сухо добавил: – Конечно же, за свои деяния Бальтазар заслужил титул.

Ногти Элизабет впились в мягкое трухлявое бревно, на котором она сидела. Теперь, когда девушка повнимательнее всмотрелась в дух леса, то увидела, что одно из его колен было раздуто и изуродовано, подобно капу на стволе дуба.

– Должно быть, ты гордишься этим, – сказала она. – Ведь именно это сделало тебя магистром.

– Ты думаешь, поэтому я сижу здесь? – изумленно спросил он. – Любовно созерцаю плоды трудов своего предка?

– Я не знаю. Надеюсь, что нет. Никто не должен тешить себя такими вещами.

«Даже кто-то вроде тебя».

Возможно, запасы его насмешек и издевательств были не бесконечны. Он задумчиво посмотрел в лес на мгновение и застыл.

– Уже поздно. – Натаниэль кивнул в сторону духа. – Тебе посчастливилось увидеть его. Спустя сотню лет от них не останется и следа.

Он поднес пальцы к губам. Прежде чем она успела остановить его, свист пронзил тишину.

Дух вздрогнул словно испуганный олень, услышав этот звук. В сумраке она увидела два сине-зеленых глаза, сияющих фосфоресцирующим светом. Потрескавшиеся губы приподня-

лись над острыми, кривыми желтыми зубами, и существо исчезло, оставив за собой лишь дрожащий папоротник.

– Ты не можешь знать этого наверняка, – сказала Элизабет, но ее голос в темноте прозвучал слишком неуверенно. Смотря на место, где минуту назад происходило что-то волшебное, а сейчас не было ничего, она не могла не согласиться с чародеем.

– Я так и не ответил на твой вопрос. – Он присел у входа в свою палатку. – Если ты ни во что не веришь, – сказал он через плечо, – тебе нечего терять.

Когда на следующий день они добрались до Брассбриджа, Элизабет, к своему удивлению, все еще была жива. Стоило признать, она могла ошибаться насчет Натаниэля Торна. Оставшись наедине со своими вопросами, девушка гладела из окна на свет заходящего солнца, который разливался над городом, делая реку похожей на поток расплавленного золота.

При первом взгляде даже издалека у Элизабет перехватило дыхание. Брассбридж простирался на невероятно огромное расстояние вдоль извилистого берега реки. Остроконечные крыши зданий формировали бесконечный лабиринт, из дымоходов в ярко-красное небо сочились струйки дыма. Над ними неясно вырисовывались мрачные здания соборов и университетов, чьи шпили с бронзовыми статуями горели пламенем подобно факелам на фоне темнеющих крыш, разгораясь еще ярче по мере того, как сгущались тени над городом. Элизабет пыталась отыскать здания Духовенства и Королевской библиотеки среди этого хаоса из башен, но попросту не могла отличить одно строение от другого.

Вскоре копыта лошадей застучали по булыжнику моста; река скользила под ним, разнося запахи рыбы и водорослей. За окнами кареты мелькали покрытые капюшонами статуи, зловеще выделявшиеся на фоне сердитых облаков.

Сомнения терзали Элизабет, все усиливаясь по мере того, как солнце садилось за склоненными головами статуй. Прошлой ночью в Блэквальде Натаниэль не пытался убить ее. Даже пальцем не тронул. И если бы хотел ей навредить, то давно сделал бы это. Однако если не он был тем волшебником, кто организовал диверсию в библиотеке, то это означало...

Шумиха на улице усилилась, когда дверь кареты распахнулась. Натаниэль забрался внутрь в вихре изумрудного шелка. Он с усмешкой взглянул на Элизабет и уселся напротив, закрывая за собой дверь.

– Будет гораздо лучше, если я не буду торчать у всех на виду, – объяснил он. – Не хочу распалать публику. Знаешь ли, они буквально сходят с ума в присутствии знаменитости, а я предпочел бы, чтобы они не стали раскачивать карету. Едва ли хоть один мужчина сможет вынести такое количество предложений о женитьбе.

Элизабет в замешательстве уставилась на него:

– Они не боятся тебя?

Натаниэль прильнул к окну и пригладил растрепанные волосы, любуясь на свое отражение.

– Тебя может это шокировать, но большинство людей не считает чародеев порождениями зла. – Он указал на город. – Добро пожаловать в современный мир, Скривнер.

Элизабет выглянула в окно. Фонари из кованого железа освещали оранжевым сиянием тротуар моста. Компания испачканных в саже детей бежала наперегонки с их экипажем, крича и тыча в него пальцами. Женщина, торгующая выпечкой, попыталась окликнуть их, от перевозбуждения едва не перевернув поднос со своим товаром. Было очевидно, что карету узнавали по шипам и изумрудным занавескам. Узнавали и не боялись.

Шокирующая правда начала доходить до сознания Элизабет.

– Все, что ты говорил о том, что пьешь кровь и превращаешь людей в ящериц...

Натаниэль оперся локтем о дверь и прикрыл рот рукой. Его глаза сияли с едва сдерживаемым удивлением.

Внезапно она все поняла.

– Ты же просто издевался надо мной!

– Говоря начистоту, не думал, что ты в самом деле поверишь в то, что я пью сиротскую кровь. Все библиотекари такие невежды или только дикари, выращенные книжной тлей?

Элизабет хотела возразить, но умом понимала, что в его словах есть смысл. Почти все, что ей было известно, она слышала от мастера Харгрува, который не путешествовал дальше уборной уже около полувека, или узнавала из книг, которые устарели уже пару сотен лет назад. Остальное были истории, рассказанные ей старшими библиотекарями с настолько пугающими подробностями, что девушка поступала как примерная ученица и переставала вообще задавать вопросы о колдунах и магии. Теперь она гадала, сколько из тех историй являлись ложью. Элизабет сжала зубы от злости, осознав всю подлость многолетнего обмана.

– Почему ты приехал за мной в Саммерсхолл? – спросила она, неожиданно поворачиваясь к Натаниэлю. – Почему именно ты, а не кто-то другой?

Ярость, звучавшая в голосе пленницы, поразила чародея. Ухмылка пропала с его лица, как и искры в глазах, делая их холодными и серыми, словно потухшие угли костра.

– Когда отчет об этом происшествии пришел в Магистериум, я узнал в нем твое имя.

– Как? Я никогда не называла тебе его.

– Наставница сказала. – Видя ее выражение лица, он пояснил: – Я хотел узнать имя девочки, которая едва не убила меня, опрокинув книжный шкаф. Подумал, что будет разумным запомнить его на случай, если наши дороги пересекутся.

– Наставница еще что-то говорила про меня?

– Нет. – И затем Натаниэль добавил: – Мне очень жаль.

Ком встал у Элизабет в горле. Она отвернулась. Смотря на то, как небо окрашивается в сине-фиолетовые цвета, девушка ощутила тягучее отчаяние где-то внутри. Вскоре это путешествие подойдет к концу, и она не знала, что или кто ждет ее там. И никогда не сможет взглянуть в глаза убийце Наставницы.

Ее первое впечатление от ночных улиц города было обманчивым. Дома едва ли выше Великой библиотеки Саммерсхолла вырастали из тумана, сквозь стеклянные окна сочился свет многочисленных свечей. Она никогда не видела столько зданий и столько людей в одном месте. По мере того, как их карета проезжала по городу, вокруг суетливо мелькали пешеходы: мужчины с тростями и высокими шляпами, женщины в платьях с воротниками, отделанными кружевами. Они несли сумки с покупками, перебежали через улицу и забирались в экипажи с суетливостью, которая была незнакома Элизабет, привыкшей к сонному ритму библиотечной жизни. Все вокруг покрывало туманное сияние уличных фонарей, которые, как объяснил ей Натаниэль, работали не благодаря магии, а благодаря какому-то изобретению, называвшемуся «газовая лампа».

Наконец карета въехала на стоянку в узкой темной улице. Элизабет молча последовала за чародеем. За густым туманом, клубящимся вокруг подола ее платья, она не видела своих башмаков. Ближайший фонарь погас, погружая их во мрак. Вокруг не было ни души.

– Это жильё, которое Магистериум подготовил специально для тебя, – сказал Натаниэль. – Возможно, мы еще увидимся завтра на слушании, а если нет, то, думаю, с этого момента ты свободна от моего общества.

Элизабет в полном молчании смотрела на дом перед собой. Когда-то это была величественная кирпичная постройка. Сейчас эти неприступные стены были покрыты сажей, окна охраняли ржавые железные решетки. Она сложила руки, обхватив себя, чтобы унять дрожь.

– Странно, – заметил он, говоря сам с собой. – Нас должны были ждать. Ничего страшного, я провожу тебя до двери.

Не глядя на нее, он предложил Элизабет руку.

Девушка едва заметила этот жест. Здание, в которое она должна была войти, напоминало ей сиротский приют, так часто представлявшийся ей в детстве – это мрачное место, в котором она была бы оторвана от всех, отвергнутая и забытая.

– Ты оставишь меня здесь? – слова сами сорвались с ее губ, тихо прозвучав в темноте.

С каменным выражением лица Натаниэль задумался. Сердце Элизабет словно остановилось. В темноте чародей выглядел очень бледным, но при этом гораздо моложе. Он сделал шаг вперед, призывая Элизабет последовать за ним.

– Только не говори, что ты поддалась моим чарам, – сказал он через плечо. – Уверю тебя, из интрижки между нами не выйдет ничего хорошего. Ты – провинциальная библиотекарьша, а я – самый завидный холостяк королевства. Даже не думай глумиться, Сквивнер, это – чистая правда. Ты можешь выйти на улицу и спросить об этом первого встречного. Я довольно-таки популярен.

Однако Элизабет и не думала глумиться. Звук, который едва не ускользнул от нее, вызвал смутную тревогу. В ближайшей аллее чуть дальше погасшего фонаря группа силуэтов застыла, наблюдая за ними огромными, светящимися в темноте глазами. Их дыхание выпускало пар в ночи. Она моргнула, и силуэты тотчас пропали, хотя девушка была абсолютно уверена, что они не являлись лишь плодом ее воображения.

Девушка открыла рот, чтобы предупредить Натаниэля, который ушел на пару шагов вперед. Но прежде чем успела издать хоть звук, кто-то с силой ухватил ее за талию и потянул в сторону аллеи. Рука зажала ей рот, и холодное лезвие ножа прижалось к горлу.

Глава девятая

Потная рука зажала рот Элизабет. Когда девушка попыталась укусить ее, вкус чужой кожи заполнил рот: горький и металлический, словно грязные монеты. Она в панике дернулась, чтобы вырваться из хватки, но клинок лишь сильнее прижался к горлу. Элизабет замерла, потрясенная собственной беспомощностью. Кто-то оттащил ее на шаг назад, потом еще на один.

Она не знала, что ждет ее в переулке, но подозревала: это гораздо хуже, чем человек с ножом.

Натаниэль остановился, поставив ногу на нижнюю ступеньку.

– Скрив... – начал он, повернувшись, но замолчал, спокойно оглядев происходящее вокруг. – Бога ради, что все это значит?

Ее похититель, должно быть, ухмыльнулся, потому что его дыхание коснулось ее щеки.

– Чего ты хочешь? – задал вопрос Натаниэль. – Денег?

Он перевел взгляд с ножа на Элизабет и человека, удерживавшего ее, и скорчил гримасу.

– Нет, дай угадаю. Средство от бородавок? Если бы я был на твоём месте, полагаю, отчаялся бы в не меньше степени, чем ты сейчас.

Казалось, его не впечатляла вся эта ситуация. Однако, говоря, он незаметно соединил большой и средний пальцы в движении, почти скрытом за складками его мантии. С кончиков пальцев сорвалась зеленая искра, и больше ничего не произошло.

– Даже не пытайся наложить заклятье на мой нож, – раздался грубый голос мужчины за спиной Элизабет. Казалось, тот был доволен собой. – Он сделан из чистого железа, я об этом позаботился.

– Ну, не вини меня за эту попытку. – Взгляд Натаниэля небрежно скользнул по переулку, возвращаясь к ним. – Не хотел наводить тут беспорядок. Кровь невозможно вывести с шелка, а я не могу перечистить, сколько раз моему слуге приходилось смывать сомнительные пятна с этой самой мантии.

Тихий смиренный вздох раздался совсем рядом. Ее похититель вздрогнул и дернулся к источнику звука, однако там никого не было: только полутемное пространство пустой улицы, усеянной выброшенными газетами.

– Боюсь, я сбился со счета, – раздался позади них шепот Сайласа. Призрачное дыхание шевелило волосы Элизабет.

Ее похититель повернулся снова, но опять ничего не увидел. Элизабет чувствовала, как его сердце колотится под рубашкой. Клинок задрожал. Образ всплыл на поверхность ее сознания, как утонувший призрачный цветок, поднимающийся из глубокого пруда: Сайлас стоял в темном лесу, заложив руки за спину. Но ведь этого не было на самом деле, не так ли? Она видела это во сне.

– Не подходи, – предупредил мужчина. – Если ты хоть дернешься, я ее порежу. Мне все равно, выживет она или умрет. Кроме того, я здесь не один.

– Вы так и не объяснили мне, что это за пятна, господин, – сказал Сайлас.

– Лучше предоставим это твоему воображению, – ответил Натаниэль.

– Где ты, черт возьми? – рявкнул ее похититель, но его рев тут же перешел в крик. Нож и рука одновременно опустились, и Элизабет, спотыкаясь, дернулась вперед, но Натаниэль был рядом и успел подхватить ее, прежде чем она упала.

Она поперхнулась и сплюнула на землю, отчаянно пытаясь избавиться от привкуса потной руки во рту.

– В переулке есть еще... – выдохнула она, – там еще люди.

– Мне действительно жаль, что приходится говорить тебе это, – сказал Натаниэль, – но это не люди.

Словно в подтверждение его слов в темноте раздалось рычание. Тень отделилась от входа в переулок и крадучись двинулась к сиянию, отбрасываемому далекими уличными фонарями. Свет очертил длинную оскаленную морду, слишком большую, чтобы принадлежать собаке. Вытянутые ноздри раздувались, втягивая воздух, на выдохе из них валил пар. Затем в темноте показалась пара рогов, изогнутых и направленных вперед. Туман струился по черной чешуе, шевелящейся, когда мощные мускулы напрягались под ней. Это был не человек и не животное.

– Это демоны, – прошептала она.

– Низшие демоны. Бесы. – Натаниэль оглянулся. – Призывать их незаконно, отчасти потому, что они готовы на все ради обещания... неважно.

– Обещания чего?

Натаниэль поморщился.

– Трапезы. Этот очаровательный джентльмен с ножом, вероятно, пообещал им, что они смогут тобой отобедать.

Учитывая то, что она знала о демонах, Элизабет не удивилась. Когда бес полностью появился в поле зрения, ребра напряглись на его истощенных боках. Позвонки выпирали на спине, словно костяшки пальцев. Он напоминал огромного тощего пса, с которого содрали кожу и покрыли чешуей.

Прежде чем девушка успела ответить, в поле зрения появились еще два существа, отрезав ее и Натаниэля от дороги, которая вела мимо ночлежного дома. Их дыхание наполнило воздух, а узкие глаза горели красным огнем. Лошади испуганно заржали, но демоны не обратили на это внимания – они жадно уставились на Элизабет.

Натаниэль молча кивнул в сторону здания. Девушка поймала его взгляд, намекая, что поняла. Вместе они двинулись к лестнице, повторяя медленные, неторопливые движения друг друга. Пока они шли, Натаниэль пробормотал заклинание. Изумрудный свет закружился между его сложенными ладонями, извиваясь, словно веревка.

– Да вы гляньте, какая она жилистая, – попытался он совершенно непринужденным тоном убедить бесов, когда те приблизились. – Еще и с душком. Посмотреть не на что – кожа да кости.

Рычание раздалось позади них, отдаваясь эхом в ушах Элизабет. Горячее зловонное дыхание ударило ей в затылок. Они одновременно обернулись и увидели четвертого беса, сидящего на корточках на крыльце и загораживающего вход. Слюна дрожащими нитями свисала с его челюсти.

– Стоило попытаться, – вздохнул Натаниэль и крепко обнял Элизабет.

Мир вокруг них взорвался. Ураган из сломанного кирпича, дерева и металла вырвался наружу, обрушившись на землю в клубах пыли. Она чувствовала, как сердце чародея колотится о ее собственное, как напрягаются мышцы его плеч, когда он взмахнул в воздухе каким-то предметом – шнуром из изумрудного огня. Это был хлыст. Еще взмах, и на этот раз девушка увидела, как тот ударил в стену здания, которая рухнула так быстро, что, казалось, превратилась в жидкость, каскадом обрушиваясь вниз. Снизу донесся пронзительный визг.

Он отпустил ее, но продолжал держать за запястье, таща через обломки. Она не могла сказать, где под ними все еще находились эти злобные существа. Тишина была такой же густой и удушливой, как пыль, наполнявшая воздух, прерываемая стуком кирпича, падающего на землю, пока оседали останки здания.

– Мне нужно, чтобы ты забралась в карету, – произнес Натаниэль. Его спокойствие, наконец, было нарушено. – Это не задержит их надолго. Что ты делаешь?

Элизабет вырвала руку из его ладони. Она отшвырнула в сторону кирпич и схватила металлический прут, который выкатился из-под обломков. Девушка сжала его и сердито взгля-

нула на чародея. Он оценивающе посмотрел на нее. На его лице отразилась небольшая перемена, выдавшая переосмысление.

– Прекрасно, невыносимая задира, – произнес он. – Помоги мне сдержать их. – И кивком указал на сиденье кучера.

Она забралась первой. Сайласа нигде не было. Элизабет ухватилась за поручни, чтобы не упасть, когда карета вздрогнула и прокатилась вперед на несколько дюймов. Колеса зловеще закричали, борясь с тормозами. В любой момент лошади могли рвануть с места, не заботясь о том, будет ли за ними карета. Судя по тому, как вспотели их попоны, этот момент мог наступить очень скоро. Она задумалась над тем, как разобраться во всей этой путанице поводов.

Вместо того чтобы вскочить рядом с ней, Натаниэль заколебался. Он оглянулся через плечо. Улицу позади них заволокло пылью, однако внезапно в одном месте пыльное облако заколебалось.

В тот момент, когда девушка увидела его, бес с ревом рванул с места. Натаниэль щелкнул кнутом, встретив его в воздухе. Зеленый огонь обвился вокруг шеи демона, и грациозное движение запястья отправило его обратно в обломки.

Лошади визжали, натягивая поводыя. Натаниэль отбросил хлыст в сторону, дернул за тормоза и запрыгнул на сиденье кареты, которая тут же пришла в движение. На мгновение он зацепился за край повозки, колеса которой затряслись по кирпичам, бросая ее из стороны в сторону, подобно кораблю, качающемуся на штормовых волнах. Элизабет протянула руку. Мужчина сжал ее, и она с силой потянула, поднимая его в воздух. Еще один рывок, и чародей упал на скамью рядом с ней. Не дожидаясь его реакции, она повернулась, чтобы оглядеть заднюю часть кареты. Он взял поводыя и щелкнул ими. Лошади выровняли бег.

По мере того, как здания скользили мимо, пыль начала клочьями слетать с обломков. Из-под них показались фигуры, в темноте замигали их алые глаза. Она крепче сжала металлический прут.

– Я думала, ты не умеешь управлять упряжкой! – прокричала она, перекрывая стук копыт.

– Чепуха! – крикнул в ответ Натаниэль. – Я быстро учусь, если у меня есть достойная причина.

Карета свернула за угол на другую пустынную улицу, ее колеса оторвались от земли на повороте. Они быстро набирали скорость, но демоны пустились в погоню: хлынули из развалин, оскалив зубы и стряхивая пыль с рогов. Элизабет насчитала целых шесть бесов и почувствовала приступ паники.

– Это можно считать подходящей причиной? – спросила она.

– Зависит от обстоятельств. Насколько они близко?

Один из бесов вырвался из стаи, настигая их с поразительной скоростью. Он подобрался к задним колесам кареты, мчась, как борзая, и наклонил голову, оценивая ее сверкающим красным взглядом, – как поняла Элизабет, рассчитывая расстояние для прыжка. В тот момент, когда он присел, девушка взмахнула своим импровизированным оружием.

Они с треском встретили друг друга. Все ее тело содрогнулось от удара, и капли слюны брызнули на лицо. Потеряв равновесие, демон вцепился в борт кареты подобно Натаниэлю мгновение назад, разрывая искусно вырезанное дерево в щепки, ища опору. Каждый коготь, грязный и крючковатый, был длиной с человеческий палец. Один их взмах разорвал бы Элизабет на части. Сверкающие глаза говорили о том, что именно это он и намерен сделать.

Однако удар, который она нанесла, оставил след на его чешуйчатой морде. Слюна свистела и шипела на оружии в ее руках, испаряясь, словно вода, вылитая на горячую сковородку. Прут был сделан из железа.

Ободренная, Элизабет снова ударила и удовлетворенно почувствовала хруст. Демон обмяк. Когти ослабили хватку. Ударившись о землю, он перевернулся и попытался подняться.

Из его раненой головы поднимались струйки пара. Остальные бесы перепрыгнули через него, не сводя глаз с кареты.

Элизабет повернулась к чародею со все еще дымящимся оружием в руках.

– Близко подобрался, – произнесла девушка.

Натаниэль бросил на нее взгляд, затем еще один и наконец третий, прежде чем снова сосредоточился на дороге.

– Я стараюсь изо всех сил, – заверил он.

Карета свернула за очередной угол. Вдруг кто-то закричал. Лошадь встала на дыбы, сопротивляясь вознице. По дороге катилась капуста из опрокинутой корзины. Пустые перелуки остались позади. Пока они неслись по улице, уворачиваясь от повозок и фургонов, Элизабет успела заметить мелькнувшие в свете газовых фонарей потрясенные лица. Пешеходы бросились к обочине, спасаясь.

Первый демон появился из-за угла позади них. Он не стал петлять в дорожном потоке, а направился прямым путем, перепрыгивая через повозки, словно они были камнями, уложенными поперек реки. Уголь, яблоки и кухонная утварь полетели в воздух. Прохожие пятились, прикрывая головы руками, и вся улица погрузилась в хаос.

– Остановись! – крикнула Элизабет. – Люди могут пострадать!

– Что ты предлагаешь? Поднять белый флаг? Попросить бесов не есть нас? – На скуле Натаниэля дернулся мускул, выдавая его раздражение.

– Используй свою магию! – воскликнула она, удивленная тем, что сама предложила это сделать.

На мгновение показалось, что чародей собирается рассмеяться.

– Колдовство требует концентрации, – парировал он, – и сосредоточенности. Всему есть предел. Я не могу разбрасываться заклинаниями, пока...

Он резко свернул в сторону, едва не столкнувшись с повозкой, которая не успела убраться с их пути. Пони, запряженный в телегу, шархнул от копыт лошадей Натаниэля и врезался в прилавок, заставленный корзинами с селедкой. Бульжники мостовой исчезли под серебристым потоком чешуи. Элизабет пригнулась, когда колеса кареты взметнули разбросанную рыбу над их головами.

– Я видела, как ты оживил целый двор со статуями, – сказала она. – Ты – магистр магии. Эти люди рассчитывают на тебя. Защити же их!

Одним взглядом он дал ей понять, что находит ее невыносимой, раздражающей и, вероятно, безумной, но, когда они выехали на площадь, натянул поводья и развернул карету. Она крепко вцепилась в сиденье, когда колеса кареты запрыгнули на обочину. Они с грохотом въехали на бульжную мостовую рядом с величественными кирпичными зданиями, протянувшись вдоль площади. Между ними и улицей расположился фонтан.

Как только карета остановилась, Элизабет вскарабкалась с козел на ее плоскую деревянную крышу. Отсюда она могла видеть всю дорогу, которую они проделали после поворота на главную улицу. Девушка оглядела хаос из опрокинутых повозок, вставших на дыбы лошадей, разбросанных продуктов. Ночной ветер доносил крики людей, смешанные с пронзительным ржанием. Еще ближе к ним горстка торговцев возле фонтана прикладывали все усилия, чтобы поскорее упаковать свои товары. Все пешеходы заранее увидели приближающуюся карету и тут же покинули площадь. Несколько из отставших поспешили подняться вверх по ступенькам ближайших зданий, где их быстро затащили внутрь. Хлопнули двери, и лица прижались к оконным стеклам. В воздухе пахло жареными каштанами, и, несмотря на ситуацию, у Элизабет заурчало в животе.

Ее взгляд блуждал по всему этому беспорядку. Поначалу она не заметила и намека на догоняющих их демонов. Затем между двумя брошенными повозками скользнула сторбленная чешуйчатая спина, из-за перевернутой телеги поднялся столб пара. Она не сводила глаз с этого

места, пока в поле зрения не появился один из бесов, и сердце ее подпрыгнуло при виде него. Левая сторона головы твари была обожжена, изувеченный глаз сочился слезами. Это был тот бес, которого она ударила железным прутом с козел кареты.

– Насколько трудно их прикончить? – спросила она, пока Натаниэль карабкался через перила, чтобы присоединиться к ней на крыше.

– Это зависит от того, что ты понимаешь под словом «убить». – Ветер трепал его волосы и развеивал полы мантии. – Все, что приходит из Потустороннего мира, не может быть убито в мире смертных – оно просто изгоняется в место, из которого пришло. Их духи продолжают жить после того, как тела уничтожены.

Разговаривать в этой напряженной тишине, повисшей над площадью, было опасно. Элизабет заметила, что кто-то потерял шляпу, и та упала в купель фонтана. В канаве валялась женская перчатка. Бесы подкрадывались ближе, извиваясь между повозками. Они разделились, надвигаясь на них с шести разных сторон.

– Сколько раз мне нужно ударить их, чтобы они не поднялись снова? – уточнила она.

Губы Натаниэля дрогнули.

– Думаю, тебе просто нужно набить руку, Скривнер. Тебе не хватает энтузиазма. А теперь дай мне минуту. Нет, мне нужно... пятнадцать секунд. Или, может, двадцать.

Он закрыл глаза.

Элизабет представляла себе колдовство мгновенным, подобным выхватыванию меча. Теперь, видя сосредоточенность на застывшем лице Натаниэля, она впервые задумалась, каково это – накладывать заклинание. Усилие, которое требовалось не от тела, а от разума.

Чародей глубоко вздохнул и начал говорить, не открывая глаз. Слова на енохианском срывались с его губ, обжигая воздух. Ветер усилился, хлеща вокруг него, швыряя в небо листья и обрывки газет и взметая брызги из фонтана. Волосы на руках Элизабет встали дыбом. Выражение его лица оставалось совершенно безмятежным.

Это совсем не было похоже на выхватывание меча. Это больше напоминало командование армией. Или превращение в божество.

Небо над ними потемнело. Черные тучи сгущались, устремляясь в центр и закручиваясь над площадью в кипящий вихрь. Воздух стал душливым от наполнившей его влаги. Уличные фонари потускнели. Зеленоватое свечение расцвело глубоко в облаках, заливая все вокруг жуткими сумеречными цветами в преддверии шторма.

Что бы Натаниэль ни делал, демоны не дадут ему на это и пятнадцати секунд. Как только он начал произносить заклинание, бес с развороченным глазом прыгнул вперед. Он зарычал на остальных, отдавая команду. Два монстра по обе стороны от него выскочили на площадь, их мускулы напряглись от мощных прыжков, которые несли их к карете с невероятной скоростью. Их языки, алые и дымящиеся, высунулись изо ртов.

Элизабет откинула с лица растрепанные ветром волосы и перекинула железный прут через плечо. Бурлящий вихрь облаков был похож на тошнотворную болтанку у нее в животе.

Сверкнули зубы. Она замахнулась. Треск расколол ночь, и вспышка изумрудного огня почти ослепила ее.

Когда свет померк, она обнаружила, что все еще крепко стоит на ногах. Оба демона лежали на земле перед каретой. Первый – выгнув шею под неестественным углом. Это была ее работа. Но со вторым произошло нечто другое: он валялся беспорядочной грудой обожженной плоти, которая лопалась и шипела, словно мясо на вертеле.

Натаниэль протянул руку. Изумрудная молния взветвилась от облаков, вспыхнула раз и другой, с резким треском и гулким грохотом, сотрясавшим землю и окна. Когда она погасла, еще один демон остался на земле. Между пальцами Натаниэля заплескали искры. Он повернулся, чтобы сразить следующего.

Это был вожак – тот, с разбитым глазом. Пока Элизабет и Натаниэль возились с остальными, он подобрался к перевернутой повозке на улице и теперь стоял там, молча наблюдая за ними, сверкая оскаленными зубами.

Сквозь облака пробивалась молния, сплетаясь в лабиринт из ветвящихся нитей. Сила закружилась вокруг Натаниэля, готовая ответить на его зов. Но он бездействовал.

Он смотрел на переднюю лапу беса, упирающуюся в тележку, которая была прижата к груди мальчика, оказавшегося в ловушке, когда она опрокинулась. Тот казался младше Элизабет, его голова бесчувственно склонилась набок. Группа людей смотрела на них издали, прижавшись к стенам здания, в которое они не смогли попасть. Женщина в первых рядах кричала, двое молодых людей удерживали ее. У всех троих были такие же рыжие волосы, как и у мальчика под повозкой.

– Я не могу, – сказал Натаниэль. Его губы едва шевелились, словно он пребывал в трансе. – Не могу сделать это, не задев его.

Элизабет отреагировала инстинктивно, готовясь спрыгнуть с кареты.

– Я отвлеку его, – предложила она.

Он схватил ее за руку.

– Именно этого он и добивается, – отрезал Натаниэль. – Выманить тебя, чтобы ты стала легкой мишенью. Не будь дурой, Скривнер.

Она посмотрела на мальчика, который мог погибнуть, если они ничего не сделают, а потом снова бросила взгляд на Натаниэля. Не будь дурой.

– Так ты это называешь?

Какая-то непонятная ей эмоция промелькнула на его лице. Он отпустил ее.

Подошвы башмаков Элизабет ударились о камни мостовой. Она двинулась прямо на демона, пересекая пустую площадь, отмахиваясь от газет, летающих по ветру. В руке она крепко сжимала железный прут. Монстр оскалил зубы еще шире, одарив ее своей нечеловеческой ухмылкой. Его когти согнулись, прижимая тележку все сильнее к придавленному ею мальчику. Не шевелясь, он выжидал.

Позади нее сверкнула молния, заливая улицу зеленым светом. Элизабет не сводила глаз с демона.

Капля упала на землю у ее ног. Она бросилась бежать, чувствуя, как прут становится продолжением ее руки. После этого все завертелось в стремительном вихре: клыки, когти, рычание. Сокрушительный удар ее оружия, отскочивший от рога, и яркая вспышка боли, разрывающая плечо. С каждым вдохом Элизабет чувствовала запах гнилого мяса и серы. Она сосредоточила все свои усилия на том, чтобы отступить назад, отражая удары демона и оттачивая его от бесчувственного мальчика.

Дождь начал накрапывать всерьез, покрывая площадь, попадая в глаза Элизабет и затуманивая ее зрение. Еще одна вспышка молнии превратила кружащегося вокруг нее противника в яркое пятно из света и тени. Затем последовала вторая вспышка, третья. Неужели Натаниэль упустил из виду других демонов? Их должно было остаться только двое. Когда она повернулась, ища их, то увидела еще больше силуэтов, ползущих к ней; их глаза горели словно угли. Их было слишком много, чтобы сосчитать. И тут, к своему ужасу, она споткнулась.

Боли не было, но внезапно мир перевернулся, а холодные, мокрые и грязные камни мостовой поднялись ей навстречу, выбивая воздух из легких. Прут вылетел из рук. Она чувствовала, как что-то, словно тиски, сжимает грудь.

Молния рассекла воздух так близко, что на мгновение показалось, попала в нее. Затем дымящееся тело вожака рухнуло рядом, и свет в его единственном красном глазу погас.

– Спокойно, Скривнер. – Чьи-то руки подняли ее с земли. Это был Натаниэль.

– Мальчик, – прохрипела девушка.

– Он со своей семьей, – ответил чародей. – Не беспокойся. С ним все будет в порядке.

«Но не с нами». Слишком много демонов было вокруг. Элизабет посмотрела в серые глаза Натаниэля, задаваясь вопросом, неужели его лицо – последнее, что ей доведется увидеть в этой жизни? Капли дождя стекали с его носа, цеплялись за темные ресницы. Вблизи его глаза уже не казались такими жестокими, как ей когда-то почудилось. Раньше она так боялась его, что не задумывалась о том, какой он привлекательный, а теперь все то время, проведенное вместе, показалось ей потраченным впустую.

Натаниэль нахмурился, будто увидел что-то в выражении лица Элизабет, беспокоившее его. Он отвернулся, щурясь от ливня.

– Сайлас? – спросил он.

– Да, господин? – Голос слуги был едва слышен сквозь бурю.

Почему-то Элизабет совсем забыла о Сайласе. Она изо всех сил старалась держать глаза открытыми. И вот он появился – безупречно одетый, легко балансирующий на краю крыши высоко над ними. Он смотрел на сцену внизу с безжалостным интересом. Ливень словно не касался его стройного силуэта.

Как он туда забрался?

Тени надвигались на них со всех сторон. Они маячили в поле зрения Элизабет, пропитывая туман зловонным запахом падали.

– Нам бы не помешала помощь, – сказал Натаниэль, – когда ты, наконец, закончишь любоваться видами.

Сайлас улыбнулся.

– С превеликим удовольствием, господин.

Он снял сначала правую перчатку, потом левую и аккуратно положил их в карман. Затем сошел с края крыши прямо в пустоту высотой в четыре этажа.

После этого Элизабет его больше не видела. Ее глаза закрылись, а вокруг раздался хор из визгов, хруста и воя, время от времени прерываемы, бьющегося о стены. Все это доносилось издалека. Ее мысли сосредоточились на одном-единственном образе: это были руки Сайласа в тот момент, когда он снял перчатки.

На них не было ногтей. Только когти.

– Элизабет? – раздался голос Натаниэля, прежде чем она окончательно провалилась в темноту.

Глава десятая

Элизабет проснулась в лучах солнечного света. У нее не было ни малейшего представления, где она находится, но ее обволакивало чудесное ощущение спокойствия. При каждом движении шелковые простыни ласкали обнаженную кожу. Девушка повернула голову, и яркое нечеткое пространство вокруг нее преобразовалось в незнакомую спальню. Стену украшали сиреневого цвета обои, а утонченная мебель в комнате выглядела так, словно могла сломаться, если кто-то опереться на нее, из чего Элизабет сделала вывод о том, что обстановка была явно не дешевой.

Она находилась здесь не одна. Где-то рядом мягко зазвенел фарфор. На мгновение девушка прислушалась, присев на кровать и скидывая с себя пуховое одеяло. В недоумении оглядела себя. На ней была надета свободная ночная сорочка, а на руку аккуратно наложена повязка. Но это не все – кто-то вымыл ее и причесал волосы.

Голова Элизабет запульсировала. Легким прикосновением пальцев она нащупала шишку под волосами, тотчас отозвавшуюся ноющей болью. Должно быть, ударились головой и потеряла сознание. На другом конце комнаты Сайлас стоял к ней спиной, держа в руках крышку от сахарницы. На нем красовалась по обыкновению, изумрудная ливрея, и, судя по всему, слуга был занят тем, что наливал ей чай.

– Где я? – спросила Элизабет.

– Вы в гостевой спальне в доме моего господина, – ответил Сайлас. – Мы подумали, что безопаснее всего будет отвезти вас сюда после нападения.

Нападение. Ее взгляд сфокусировался на безупречно белых перчатках Сайласа. Кровь застыла в жилах.

Обрывки событий прошлой ночи нахлынули разом: неразбериха и хаос, гром и молнии. Неожиданно всплыли воспоминания о поездке в Брассбридж – те, что были каким-то образом подавлены. Сейчас она ясно помнила, как он поймал ее в лесу неподалеку от постоянного двора, как заставил забыть о желтых глазах. И более того, Сайлас проделывал это не единожды. Всякий раз, как она подбиралась к отгадке, он уводил ее мысли как можно дальше.

– Ты – демон, – сказала Элизабет. Ее голос прозвучал слишком грубо в такой утонченной обстановке, утопающей в сирени и фарфоре.

Сайлас склонил голову, подтверждая очевидное.

– Положить вам сахар в чай, мисс?

Элизабет промолчала. Она осторожно отползла к противоположному концу кровати, как можно дальше от Сайласа, и, схватив с прикроватного столика тяжелый серебряный подсвечник, крепко сжала его в руке.

– Я знаю, кто ты, – предупредила она. – Тебе больше не удастся заставить меня об этом забыть.

Он еще раз помешал чай и изящным движением положил ложку на свернутую салфетку.

– Вы правы. Более того, у вас обнаруживается удивительная сопротивляемость моему влиянию, так что я все равно не смог бы проделывать это слишком долго.

– Что ты имеешь в виду под «влиянием»? – требовательно спросила она. – Что ты делал со мной и зачем?

Сайлас повернулся. Он едва смотрел на нее – дрожащую, вцепившуюся в подсвечник, еле сдерживающуюся, чтобы не запустить его демону в голову. Проведя пару секунд в многозначительной тишине, Элизабет вынуждена была признать, что во всем этом есть определенный смысл.

– Люди, – вздохнул он, – такие предсказуемые существа. Я благодарен, что вы хотя бы не стали кричать. Некоторые демоны получают удовольствие, когда вы начинаете вопить и

просить пощады, хотя я сам никогда не испытывал тяги к драме, не считая той, что ставят на сцене театра.

Его взгляд упал на подсвечник в руке Элизабет.

– Кстати говоря, он вам никак не поможет.

Она медленно положила канделябр на кровать. Когда он поставил поднос рядом с ней, девушка вздрогнула, однако демон тут же отошел, не притронувшись к ней и почтительно сложив руки за спиной в точности так же, как тогда в чаше. Ей было жутко интересно, старался ли он выглядеть менее устрашающе. Все это было настолько необычно, что Элизабет не смогла сдержаться нервный смехок.

– Что такое? – поинтересовался Сайлас.

– Не знала, что демоны могут принимать обличье людей. Я ожидала увидеть... – Она и сама не знала точно, что. Видимо, кого-то похожего на тех бесов с рогами и в чешуе. Но определенно не кого-то столь красивого. – Нечто иное, – закончила Элизабет.

Тень улыбки проскользнула на его лице. Волосы Сайласа вовсе не были припудрены, как она подумала при первой встрече. Все в нем словно было выполнено из безупречно белого мрамора, вплоть до длинных бледных ресниц, оттенявших серые глаза.

– Высшие демоны вроде меня способны менять облик, подстраиваясь под предпочтения хозяина. В обществе других людей обычно принимаю обличье белого кота, но когда нахожусь дома или отправляюсь по поручениям, господин предпочитает видеть меня именно таким. Во всех других случаях представляю собой, как вы выразились, «нечто иное».

Холодок прошел по коже Элизабет. Некогда прочитанные в «Лексиконе» ужасы всплыли в памяти. Гримуар создал у нее впечатление, что один разговор с демоном – уже чрезвычайная опасность. Однако после всех усилий, приложенных Натаниэлем к тому, чтобы доставить ее в город в целости и сохранности, она едва ли могла подумать, что он оставил бы ее и Сайласа наедине, если бы тот представлял какую-то угрозу.

Она вспомнила ночь в Блэквальде и тот тихий смех Сайласа, будто он смеялся над шуткой старого друга.

– Прошу вас, – голос Сайласа оторвал ее от тяжелых размышлений, – может быть, попробуйте чай?

Прежде чем потянуться к чашке, Элизабет засомневалась. Ароматный пар окутал ее лицо, когда она сделала осторожный глоток, ощущая на себе выжидающий взгляд демона. Ее глаза расширились от удивления.

– Очень вкусно.

На самом деле, это оказалась лучшая чашка чая в ее жизни. Это было определенно не то, что она ожидала выпить, учитывая, кто заварил сей напиток...

Элизабет со звоном водрузила чашку на поднос, разбрызгивая горячий чай по пальцам. Жар вперемешку с паром неожиданно окунули ее в подсознательные воспоминания: рука мужчины, зажавшая ей рот, и его влажное дыхание на ее щеке. Неожиданно он пропадает, будто растворившись в воздухе. Что же Сайлас сделал с ним?

– Я избавился от него, мисс, – мягко произнес демон. – Он убил бы вас, ведь вы были не первой его жертвой. Я учуял это – на нем было слишком много смертей. Неудивительно, что бесы с превеликим удовольствием подчинялись ему.

Она издала сдавленный звук.

– Ты можешь читать мои мысли?

– Не совсем так.

– А как же?..

– Я провел сотни лет, наблюдая за людьми и служа семейству Торнов. Ни в коем случае не хочу оскорбить вас, однако, вы, люди, – существа не слишком-то сложно устроенные.

Она вздрогнула, уставившись на свои руки и восхитительную чашку чая, размышляя, что же еще он мог сказать о ней, просто окинув взглядом.

– Вы плохо себя чувствуете? Возможно, следует еще немного отдохнуть.

Она покачала головой, не желая смотреть ему в глаза.

– Я достаточно отдохнула.

– В таком случае у меня есть новости, которые могут вас порадовать. – Он поднял газету с тумбочки и передал ей. Она осторожно взяла ее, мельком взглянув на его перчатки, однако не смогла разглядеть и намека на когти. – Покушение на вашу жизнь попало во все утренние газеты.

Элизабет не могла поверить своим глазам. Заголовок первой страницы гласил: «ПОДОЗРЕВАЕМАЯ... ИЛИ ГЕРОИНЯ?» – и сопровождался наброском ее и Натаниэля, стоящих на крыше кареты, окруженной демонами. Молния, вызванная чародеем, рассекала заштрихованное небо, и художник взял на себя смелость изобразить в руке Элизабет меч вместо железного прута. Она вернулась к заголовку.

– Это обо мне?

Сайлас кивнул.

Пораженная, она бегло просматривала статью. «Молодая женщина, опознанная неким анонимным источником как мисс Элизабет Скривнер, продемонстрировала невиданную отвагу и силу в борьбе против атаковавшей ее нечисти, рискуя всем, чтобы спасти жизнь беспомощному прохожему... По слухам, она прибыла в Брассбридж в качестве подозреваемой по делу об актах саботажа Великих библиотек. Тем не менее мы вынуждены поставить под вопрос выдвинутые Магистерием обвинения в силу покушения, совершенного на ее жизнь. Очевиден тот факт, что настоящий злоумышленник надеялся любыми способами спрятать концы в воду...»

Щеки Элизабет покрывались румянцем по мере того, как статья восторженно делилась с читателями информацией из проверенных источников о том, как она в одиночку сражалась с разбушевавшимся малефиктом, не дав ему подвергнуть опасности невинное население отдаленной деревушки Саммерсхолла. Затем, к ее досаде, очерк уделял весь следующий раздел магистру Натанилю Торну, самому завидному холостяку Аустермера. «Когда же, наконец, он сделает свой выбор?» – судя по всему, этот вопрос невероятно беспокоил читателей газеты.

Неожиданно что-то насторожило ее, и она вернулась к самому началу статьи.

– Подождите-ка, – подумала она вслух, – здесь сказано «акты саботажа».

Сайлас подошел к ней. Она напряглась, но он лишь наклонился, чтобы перелистнуть страницу. Просматривая продолжение статьи, Элизабет почувствовала, что ей нечем дышать.

– На библиотеку Нокфельда тоже совершили нападение?

Ее губы двигались, пока она бегло читала текст. «Другой малефикт Восьмой ступени... трое хранителей мертвы, включая Наставницу... изначально признанный несчастным случаем, сейчас рассматривается непосредственно связанным с происшествием в Саммерсхолле...»

– Это произошло за две недели до случая с Книгой Ока! – Она подняла глаза на Сайласа. – Почему это должно было меня порадовать?

– Обстоятельства прошлой ночи в корне изменили все. Ваше слушание было отменено в результате митинга, организованного прессой. Когда вы окрепнете, Магистр Торн должен будет доставить вас прямиком к Канцлеру.

Элизабет села, не веря своим ушам, вдыхая аромат дешевых чернил и газетной бумаги. В голове были лишь пустота и звон, оставшиеся после слов Сайласа.

– Почему Канцлер хочет встретиться со мной? – спросила она.

– Мне об этом не сказали. – Что-то, похожее на жалость, промелькнуло на мраморном лице демона. – Возможно, вы захотите одеться. Я могу помочь вам, если это необходимо. Я взял на себя смелость немного подправить ваш наряд.

Элизабет нахмурилась. Ее лучшее платье висело на крючке шкафа. На подоле были пришиты вставки из шелка. Теперь оно было идеальной длины. Неужели Сайлас сам это сделал? Она потрогала свои аккуратно причесанные волосы, вспоминая о том, что кто-то вымыл ее и передел. Когда осознание, наконец, пришло к ней, она запаниковала.

– Вы переодели меня?

– Да. У меня большой опыт в этом деле... – Увидев ужас на ее лице, он успокаивающе поднял руку. – Прошу прощения. Меня абсолютно не интересует человеческое тело. Ни в коем случае не в плотском смысле. Иногда я забываю... Мне следовало сказать об этом раньше.

Элизабет чувствовала себя так, словно ее пытаются надуть.

– Я читала о том, что демоны делают с людьми. Вы пытаете нас, проливаете нашу кровь и пожираете внутренности. Особенно внутренности молодых девушек.

Губы Сайласа сжались.

– Низшие демоны действительно поедают человеческую плоть. Это примитивные существа с дурными манерами.

– А вы, значит, совсем не такой?

Его губы сжались еще сильнее. Несмотря на сдержанность, оттенок обиды мелькнул в его желтых глазах, и когда он заговорил, мягкие шепчущие нотки его голоса слегка позвякивали льдом.

– Высшие демоны поглощают не что иное, как саму жизнь смертного, и только в том случае, если была заключена сделка. Ничего более нас не интересует.

Она откинулась на подушки с бешено стучащим в груди сердцем. Но постепенно стала приходить в себя. Судя по всему, Сайлас не лгал. Он не пытался отрицать тот факт, что был злом – лишь прояснял мотивы своего поведения. Станным образом это заставило ее довериться ему, по крайней мере, хоть в этом вопросе.

Девушка подумала о седой пряди волос у Натаниэля, которую так необычно было видеть у молодого парня восемнадцати лет.

– Сколько лет жизни ты уже отнял у него? – поинтересовалась она.

– Достаточно, – сказал Сайлас чрезвычайно тихим голосом. – А теперь, если вы уверены, что вам не нужна помощь...

– Нет, благодарю, – поспешно отозвалась она. – Я могу одеться самостоятельно.

Его поднятая бровь выразила сомнение в ее словах, однако он почтительно поклонился и вышел, оставляя Элизабет в одиночестве с кучей вопросов и остывающей чашкой чая.

* * *

Когда она отворила дверь спустя пятнадцать минут, Сайласа не было поблизости. Элизабет выглянула в коридор и осмотрелась. Она никогда не проводила в настоящем доме более нескольких минут, и этот показался ей невероятно огромным в сравнении с домами Саммерсхолла. Коридор, обитый панелями из темного дерева и усеянный поразительным количеством дверей, простирался далеко в стороны. По какой-то причине все окна в нем были зашторены, приглушая яркий солнечный свет до сумеречного полумрака.

Она прокралась наружу и пошла вдоль стены. Несмотря на свое великолепие, дом выглядел заброшенным. Нигде не было видно слуг – ни демонов, ни обычных людей, а вокруг казалось настолько тихо, что методичное тиканье старых напольных часов где-то в глубине поместья отстукивало в такт ее шагов, словно биение сердца. От всех окружавших ее вещей веяло запахом эфирного горения, словно весь фундамент этого здания был пропитан магией.

Сделав несколько поворотов в этом бесконечном лабиринте, Элизабет почувствовала, что запах усилился. Принюхиваясь, она последовала за ним и обнаружила, что тот сочился из-под одной из закрытых дверей. Полотно ее было покрыто толстым слоем пыли, а дерево вокруг

изысканной ручки испещрено царапинами, словно чья-то рука то и дело соскальзывала с нее, пытаясь отворить.

Элизабет вздрогнула. Она определенно не собиралась трогать эту зловещую дверь в доме чародея, хотя...

Задержав дыхание, она наклонилась, чтобы посмотреть в замочную скважину. В комнате за дверью была сплошная темнота. Она придвинулась плотнее.

– Мисс Сквивнер, – раздался у нее за спиной мягкий голос Сайласа.

Она отпрыгнула, врезавшись в стену с такой силой, что от удара чуть не сломала зуб. Как Сайласу удастся передвигаться столь бесшумно? Прошлой ночью он проделал тот же трюк с тем мужчиной, прежде чем убил его.

Выражение лица демона было отрешенным, однако он заговорил со всей присущей ему вежливостью.

– Я не хотел напугать вас, но, боюсь, эту комнату лучше не тревожить.

– Что там внутри? – Во рту у Элизабет стало сухо, словно в пустыне.

– Поверьте, вы не хотите это знать. Сюда, пожалуйста.

Он проводил ее по коридору туда, откуда она пришла, и свернул на широкую извивающуюся лестницу с бархатным ковром, покрывающим ее до самого фойе двумя этажами ниже. Хрусталь люстр над ее головой поблескивал в полумраке, и шаги Элизабет отдавались эхом на мраморном полу с шахматным узором. Величие дома навеяло ей воспоминания о заброшенных замках из сказок. В ее воображении мрачное запустение особняка сменялось светом, музыкой и звонким смехом, и она недоумевала, как можно содержать дом в таком состоянии, когда можно превратить его в столь красивое место.

– Магистр Торн вскоре к нам присоединится, – сказал Сайлас. Затем добавил: – Вы можете осмотреться, если желаете.

Не дожидаясь разрешения, Элизабет пересекла фойе и остановилась, взвешивая в руках хрустальный подсвечник. С виноватым видом она поставила его на место. Опуская руку, девушка увидела отражение глаз Натаниэля в десятках хрустальных граней и ахнула от удивления, однако, когда обернулась, позади никого не было. Хрусталь отразил портрет, висящий на стене. Мужчина на картине был гораздо старше Натаниэля, хоть и очень похож на него. Даже такая же седая прядь поблескивала на его черных волосах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.